

**СМОТРИТЕ СЕРИАЛЫ
по детективам Людмилы Мартовой
на центральных телеканалах!**



**ЛЮДМИЛА
МАРТОВА**

ОТ ЗВЕЗДЫ И ДО ВОДЫ

Людмила Мартова
От звезды и до воды

© Мартова Л., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

В ожидании снега

*«Снеговик просыпается перед
рассветом».*

Маргарет Этвуд.

Все началось со снеговика. Почему-то слепить его было самым горячим желанием девятилетнего Севы Васильева. О снеговике, сладкой морковке вместо носа, которую нужно было обязательно раздобыть на больничной кухне, ведре, пластиковом, желательно ярко-красном, одолженном у уборщицы тети Кати, а также о шарфе, тоже красном, но в белую полоску, который еще предстояло из чего-то связать, он мог говорить часами и делал это, если находились желающие слушать.

Это была единственная тема, способная зажечь искорку интереса в печальных, застывших, не по-детски тусклых глазах с когда-то ярко-зеленой, а ныне поблекшей, словно выцветшей радужкой. Большую часть времени Сева проводил, отвернувшись к стенке, на больничной кровати, с которой вставал только по необходимости, а еще для того, чтобы проверить, не выпал ли необходимый для лепки снеговика снег.

Как на грех, осень в этом году выдалась долгой, теплой и совершенно бесснежной, да и декабрь оказался ей под стать. По крайней мере, за две недели до Нового года снега не было совсем. Он начинал идти только один раз, но так вяло и неубедительно, что даже не сумел покрыть тонким слоем серый асфальт. Начавшись вечером, снег нарисовал на больничной парковке странные узоры, то и дело переметаемые поднявшимся ветром, а к утру почти совсем растаял, из-за чего узоры сменились кляксами. Увидев их, Сева Васильев заплакал, хотя до этого никто из медицинского персонала

ни разу не видел его плачущим. Все процедуры, в том числе мучительные он переносил стоически, без единой слезинки. А тут вот вам, пожалуйста, расплакался из-за растаявшего снега!

Его лечащий врач Милана Сергеевна была уверена, что снеговик тут ни при чем, просто мама мальчика, до этого неотлучно находившаяся с ним на протяжении шести месяцев, которые длилось лечение, вынуждена прямо из больницы уехать в роддом, рожать. На второго ребенка семья решила сразу же, как узнала о серьезном онкологическом диагнозе старшего сына. Кто-то из бесконечных консультантов сказал, что последним шансом может стать пуповинная кровь и плацента родного брата или сестры. И, хотя результата никто не гарантировал, на семейном совете было решено использовать все шансы до единого. Пусть даже они требовали девяти месяцев реализации.

Как бы то ни было, мама Севы два дня назад уехала в роддом, а на дежурство заступил папа, до этого появлявшийся редко из-за работы вахтами. После того как Сева заболел, работал в семье только он, тяжело и много. Семья вызвала у всех сотрудников гематологического отделения глубокое уважение. Никто из родственников не ныл, не жаловался, не путался под ногами, не обвинял врачей в некомпетентности, но и не лебезил. Севина мама охотно помогала другим детям, тем, кто находился в отделении без взрослых, истерик не закатывала, несла свой крест с достоинством и неугасающей верой в лучшее. Сам Сева был точно такой же, только из-за снеговика совсем раскис. Или, права Милана Сергеевна, из-за уехавшей в роддом мамы.

Главный врач областной больницы Владимир Николаевич Радецкий, вообще-то ко всем пациентам клиники относящийся одинаково, Севу Васильева отчего-то выделял и, посещая отделение, всегда заглядывал к нему в палату, стараясь принести с собой что-то, привлекающее мальчишечье внимание. Мальчик бредил наукой, постоянно читал про какие-то опыты и очень расстроился, когда ему после химиотерапии запретили выращивать на подоконнике палаты

плесень, поэтому потрафить ему можно было всевозможными головоломками.

На ура «зашел» набор юного геолога, на прошлой неделе – набор юного детектива, а еще из лаборатории, по распоряжению Радецкого, притащили старый списанный микроскоп, в который Сева мог смотреть часами. Вот только снеговик вытеснил все, даже микроскоп больше не радовал. И настроение мальчика, которому через несколько дней предстояла процедура трансплантации стволовых клеток от новорожденного брата или сестрички, выздоровлению вряд ли способствовало.

Когда Радецкий вошел в палату, Сева уже не плакал, а тихо лежал на койке, отвернувшись к стенке, лишь плечи иногда вздрагивали. На тумбочке стояла тарелка каши, к которой мальчик не притронулся. Он вообще плохо ел, каждая кормежка превращалась в занимательный квест, который мама проходила с честью, а вот папа не справлялся.

– Как дела, Севка? – Радецкий коротко кивнул отцу ребенка, подошел, пододвинул стул, сел у кровати, положил руку на худенькое плечо. Сева замер, видимо, не желая при главвраче выказывать слабость. – Говорят, тебя погода не радует?

Мальчик сел на кровати, подтянул ноги к груди, обхватил их руками. Коленки были острые-острые, ручки тоненькие-тоненькие. Радецкий вздохнул: к больным детям он за годы работы так и не смог привыкнуть.

– Снеговик, – горестно сказал мальчик и замолчал, словно это слово все объясняло. – Вечером снег пошел, я так обрадовался, думал, сегодня можно будет слепить. А к утру все растаяло. Понимаете, Владимир Николаевич?

Радецкому вдруг пришло в голову: маленький пациент боится, что не успеет слепить снеговика, потому что скоро умрет. Состояние мальчика было серьезным, но на данный момент не угрожающим.

– Сев, на дворе декабрь, а не июль, – сказал он и улыбнулся. – Снег обязательно выпадет. Не сегодня, так завтра, а нет, так через

две недели. Слепим мы снеговика, я тебе обещаю!

– Не понимаете, – констатировал Сева. Лицо у него стало еще печальнее. – Мне через две недели не надо, мне сейчас надо. Я загадал...

Мальчик запнулся, понимая, что проговорился. Что именно он загадал, видимо, было тайной, для чужих ушей не предназначенной. Но ему это важно. Очень важно. Что ж... Идея, пришедшая в голову Радецкого, была так внезапна, что он даже зажмурился, словно от яркой вспышки. Все-таки хорошо, что он живет за городом. Знал бы, с утра сам сделал, но еще не все потеряно. Влада, которая поздно встает и долго собирается, точно дома.

– Ладно, Сева, будет тебе снеговик, раз загадал, – сказал Радецкий и встал со стула. – Только и ты уж меня не подведи. Во-первых, съешь кашу, а во-вторых, распакуй свой детективный набор, я же вижу, что он на подоконнике так и стоит в коробке.

– Зачем? – удивленно спросил мальчик.

– Хочу, чтобы ты его освоил. Вот случится в отделении какая-то детективная история, а ты ее разгадаешь.

Говоря это, Владимир Радецкий внутренне содрогнулся. Последняя детективная история в его больнице произошла неполных два года назад, закончилась благополучно и подарила ему новую жену, но повторения он не хотел ни за какие коврижки^[1]. Но ребенка надо чем-то занять. Как говорится, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

– Я освою, – пообещал Сева. – Владимир Николаевич, а со снеговиком вы меня точно не обманете?

– Я, Сева – один из самых честных людей на свете, – засмеялся Радецкий, – моя жена говорит, что я прямой просто до безобразия. Так что нет, не обману.

– И я вас не обману, – горячо заверил его мальчишка и потянулся к тарелке с остывшей кашей.

Радецкий направился к выходу, доставая из кармана телефон, чтобы позвонить Владе. Через десять минут у него начиналась

ежедневная планерка, а от здания, где располагалась гематология, до основного корпуса еще нужно было дойти.

– Владимир Николаевич, мне бы надо с вами поговорить. У нас тут что-то странное происходит. – Милана Сергеевна попыталась его задержать, но Влада уже ответила, любимый голос услаждал ухо, и он отмахнулся от доктора Шмаковой. Потом, все потом!

Его вторая жена Владислава Громова не зря считалась успешной бизнесвумен и руководила крупной фирмой, поставляющей медицинское оборудование. Поставленные задачи она понимала хорошо и исполняла четко, даже если они на первый взгляд казались странными.

Выдав указание и получив заверение в его исполнении, Радецкий отключился от жены. Он тут же забыл и про нее, и про мальчика Севу, и про снеговика, полностью сосредоточившись на планерке и отчетах заведующих отделениями. Была у него такая особенность, позволяющая концентрироваться на том, что важно именно в этот момент, и ни на чем больше.

Влада приехала через полтора часа, когда планерка была уже закончена, а онлайн-совещание с Министерством здравоохранения еще не началось. Радецкий как раз сварил вторую за день чашку кофе, когда дверь открылась, и в кабинет влетела его хрупкая, но энергичная жена. Он улыбнулся, потому что всегда улыбался при виде нее. Это радостное чувство обладания никак не проходило и не приедалось.

– Фасолька решила, что я сошла с ума, – сообщила Влада, протягивая ему большой походный термос. – Беня был не удивлен, он давно в курсе, что от меня можно ждать чего угодно, но перед ней будешь вечером отмазывать, так и знай.

Фасолькой звали его собаку, а Беня переехал в дом Радецкого вместе с Владой, и животные прекрасно уживались на одной территории, хотя обладали совершенно разными характерами. Радецкий представил, какими глазами его мудрая собака наблюдала за тем, как Влада набивает термос выпавшим за ночь и не

растаявшим за городом снегом, и рассмеялся. Отвинтив крышку, он заглянул внутрь и убедился, что снег именно такой, как нужно – липкий, тяжелый, влажный. Вот и хорошо.

– Остальное привезла? – спросил он жену.

– Конечно, – пожала плечами та и протянула небольшой пакет. – Все тут. Держи, я побежала. У меня важная встреча через двадцать минут.

– Большой контракт?

– Не то чтобы очень. Твою больницу я в качестве контрагента потеряла из-за конфликта интересов, а другие не такие крупные. – Влада привычно вздохнула. – Надо было жить во грехе, не оформляя отношения, а то одни убытки.

Он знал, что она лукавила. Владе Громовой было очень важно являться законной женой Владимира Радецкого, к тому, чтобы это случилось, она приложила немало сил и ни о каких потерянных контрактах не жалела.

Он сожалел больше, потому что компания «Мед-Систем» свою работу делала максимально хорошо. Гибридная операционная, контракт на установку которой Влада выиграла в тот самый момент, когда в больнице произошло убийство, и его совместное расследование привело сначала к бурному роману, а потом и браку между Радецким и Громовой, была запущена точно в срок и работала идеально.

Следующим контрактом, который фирма Влады заключила и выполнила, успев управиться к свадьбе, стала поставка инфузионного оборудования для гематологического отделения, и там все прошло без сучка без задоринки. Женившись на Владиславе, Владимир Радецкий приобрел жену, но потерял надежного поставщика и партнера. Его робкие предложения как раз «жить во грехе» основывались именно на том, что в его отношении к любимой женщине штамп в паспорте ничего не менял, а работе мешал изрядно. Но Влада была непоколебима в своем желании

стать замужней женщиной, а известно же, что чего хочет женщина, того хочет бог.

Она убежала по своим делам, оставив в его кабинете шлейф тонких духов, которые до сих пор действовали на него возбуждающе, заставляя отвлекаться от работы и концентрироваться где-то существенно ниже пояса, но усилием воли Радецкий вернул себя в реальность. Дел на сегодня запланировано много, а ему еще надо снова дойти до гематологии. У него там тоже важное дело. Он обещал.

Накинув теплое больничное пальто с нашивкой «главный врач» на кармане (всему персоналу пару лет назад заказали такие, чтобы удобно было ходить между корпусами), он снова отправился в соседнее здание, по дороге отвечая на сообщения, которых за время планерки накопилось немало.

В лаборатории из-за нападавшего и потом растаявшего снега замкнуло проводку, и под навесным потолком возник пожар, который, к счастью, сразу удалось нейтрализовать. В кардиологии во время выписки начал скандалить пациент, обещавший наслать на больницу кару господню вкупе со всевозможными проверками. В хирургию привезли пациента с огнестрелом, там сейчас полиция. В бухгалтерии зависла система, не проходят проводки. Дочь написала, что на ближайшие выходные собирается приехать, потому что на Новый год улетает в Таиланд вместе со своим другом. С другом Радецкий был знаком и ничего не имел против – ни друга, ни Таиланда.

Погруженный в телефон, он лишь краем глаза заметил некую странность, точнее, человека, которого здесь никак не должно быть. Обернулся, чтобы убедиться, что ему не показалось, но дорожка, вьющаяся между корпусами областной клинической больницы, была совершенно пуста. Лишь вдалеке шла санитарка Маша Селиванова, в чьи обязанности входило собирать анализы мочи в отделениях и доставлять их в лабораторию. Всех сотрудников больницы, включая

санитарок, Радецкий знал по именам и в лицо, считая это залогом успешного управления.

Он помотал головой. Показалось. Его бывшему заместителю по хозяйственной части Олегу Тихомирову совершенно нечего было делать в больнице, из которой его вышибли с позором почти два года назад. Хорошо хоть, дело не завели. Слухи разошлись широко, и Олега долго никто не брал на работу, а когда взяли, то статус и уровень зарплаты оказались далеки от желаемых. Но винил в своем бедственном положении Тихомиров почему-то не себя, а Владимира Радецкого и Владиславу Громову. Впрочем, это было как раз понятно без всяких «почему-то».

Ему позвонили из нейрохирургии, попросили проконсультировать по поводу тяжелого больного, и Радецкий тут же забыл про своего бывшего зама, потому что тот не занимал в его жизни никакого места. Даже если он шел несколько минут назад по дорожке между корпусами, это не имело значения. Да и вообще, скорее всего, он просто обознался.

В гематологии он заглянул в ординаторскую, чтобы скинуть пальто – к Севе Васильеву в палату в нем заходить нельзя. Натянул бахилы и маску, а также протянутый Миланой Сергеевной халат.

– Вы чего вернулись, Владимир Николаевич? – встревоженно спросила она. – Случилось что-то?

– Нет, я просто Севе обещал небольшой фокус, вот и забежал. Не волнуйтесь, Милана Сергеевна.

– Мне бы поговорить. Сейчас никак?

Доктор Шмакова была настойчива исключительно в важных случаях, это Радецкий помнил, но сейчас его ждали в нейрохирургии, да и все остальные дела из сегодняшнего списка пока не думали заканчиваться.

– Никак, – покачал головой он. – Меня вообще сейчас тут быть не должно. Я к вечеру освобожусь и поговорим. Давайте вы придете часиков в пять?

– Хорошо, – кивнула Шмакова.

Радецкий прошел в палату к Севе. Тот уже не плакал и кашу, похоже, съел, но все так же безучастно лежал, отвернувшись к стене. Его отец сидел рядом и читал что-то, уткнувшись в телефон. Прекрасная поддержка и отвлечение от грустных мыслей!

– Сева, это снова я, – бодро сказал Радецкий. Мальчик повернулся и сел на кровати. На лице отразилось ожидание. – Точнее, мы. Смотри, что сейчас делать будем!

Решительным жестом он отодвинул на край тумбочки стоящую там больничную лабуду типа пакетика с соком, блюдца с порезанным на четвертинки яблоком и четвертинкой лимона. Сева любил кислое, от которого меньше тошнило, и лимоны поглощал партиями. Радецкий достал из пакета термос, отвинтил крышку и высыпал на чуть потрескавшуюся поверхность тумбочки гору рыхлого снега. Сева смотрел во все глаза.

– Снег? – спросил он дрогнувшим голосом. – А где вы его взяли? Он же растаял.

– Я живу за городом, там холоднее, а потому снег растаял не весь. Моя жена его собрала. Вот, видишь, в термос. Он, конечно, мокрый, но так даже лучше. Хорошо лепится.

Быстрыми и ловкими движениями Радецкий скатал шар, потом второй, поменьше, а затем и третий. Снеговик из привезенного Владой снега выходил, конечно, маленький. Прямо скажем, снеговичок, но все же. Спустя пару минут он уже стоял на тумбочке, а Радецкий достал из пакета ярко-красную шляпу, снятую с сидящего у камина в его гостиной мишки Паддингтона, алую ленточку, сохранившуюся от подаренного Владе букета роз (он часто дарил жене цветы, поэтому найти ленточку было несложно), пакетик с приправой «гвоздика», предназначавшейся для глаз, а также небольшую морковку, кончик которой вполне мог сойти для носа.

– Так, мне уже совсем некогда, так что украсите вы его с папой сами, – строго сказал Радецкий, глядя, как на глаза Севы снова накатываются слезы, правда, теперь от счастья. – Снеговик, конечно, маленький, но настоящий. Я попрошу Милану Сергеевну, чтобы тебе

разрешили хранить его в морозильнике. В коридоре холодильник стоит, вот туда в верхнюю камеру папа и поставит, когда все готово будет. А потом морозы начнутся, на подоконник снаружи выставите, чтобы вы с ним друг на друга смотрели. Выпадет настоящий снег, большого слепим, а пока и такой хорошо. Да?

– Да, – срывающимся голосом сказал Сева. Глаза его горели. – Очень хорошо. Сейчас мы его доделаем и в морозильник спрячем, чтобы не растаял. Да, папа?

Отец мальчишки кивнул, скрывая улыбку.

– Спасибо вам, Владимир Николаевич. Я бы не догадался. Нужен ему этот снеговик, что ты будешь делать!

– Раз нужен, то доделывайте, надевайте шляпу и замораживайте это чудо. – Радецкий тоже улыбался, потому что быть немножко волшебником приятно даже такому серьезному человеку, как он. – И да, Сева, ты мне обещал, что побудешь детективом, так что давай, начинай. Через пару дней приду – проверю.

Вернувшись с чувством выполненного долга, он погрузился в круговерть важных дел, даже не догадываясь, что слепленному им снеговика предстоит стать свидетелем важных событий. К пяти часам вечера Радецкий закончил все встречи, консультации и переговоры. Теперь у него было полтора часа, чтобы подписать документы и спланировать завтрашний день.

Придвинув папку «На подпись», он открыл ее, заранее грустя из-за количества бумаг, в смысл которых нужно вникнуть. В голове сидела заноза, словно он собирался сделать что-то еще, но забыл. И что это может быть? По давно сформировавшейся привычке Владимир Николаевич начал откручивать сегодняшний день назад, пока не дошел до точки, служившей источником беспокойства. Точно. Он велел Милане Шмаковой прийти к нему в кабинет в семнадцать часов, потому что с утра она дважды хотела с ним переговорить.

Часы показывали уже пять минут шестого, однако Шмаковой не было. Забыла? Передумала? Опаздывает? Решив подождать,

Радецкий погрузился в прочтение и подписание документов. Он всегда всерьез вникал во все, что делал, выкидывая из головы остальное, поэтому про доктора Шмакову снова вспомнил лишь в двадцать минут седьмого, когда со вздохом облегчения закрыл папку и потянулся к компьютеру, чтобы посмотреть расписание на завтра.

Скорее всего, Милана Сергеевна передумала или разрулила вопрос, который собиралась с ним обсудить. Однако внутреннее беспокойство почему-то не утихало. Черт, и задерживаться не хочется! Сегодня, как всегда по вторникам, у Радецкого была тренировка по верховой езде. Длилась она с семи до восьми и задерживаться не хотелось, потому что в половине девятого его будет ждать дома Влада. С ужином, который она всегда готовит к его приходу.

Тихие семейные вечера после напряженного трудового дня Радецкий с недавних пор ценил и урывать от них даже десять минут не собирался. Изучив перечень завтрашних дел, внеся в них некоторые коррективы и собравшись выключить компьютер, он вытащил телефон и набрал номер Шмаковой.

– Милана Сергеевна, добрый вечер. Радецкий. Простите, что беспокою вечером. Вы уже дома?

– Да, Владимир Николаевич. Но ничего страшного. Я вас слушаю.

– Вы собирались зайти ко мне, чтобы обсудить что-то важное. Я с утра не дал вам такой возможности. Передумали или вопрос снят с повестки?

Шмакова молчала, и он вдруг представил, как она в задумчивости дышит, прижимая трубку к уху, размышляя, говорить главврачу о том, что ее тревожит, или нет. Давая ей время подумать, Радецкий тоже молчал, глядя в окно кабинета, где в сгустившейся декабрьской темноте, кажется, снова начинал идти мокрый снег. Унылая зима в этом году. Безрадостная.

– Все в порядке, Владимир Николаевич, – сказала наконец собеседница. – Мне не хочется грузить вас ерундой, право слово.

Скорее всего, просто показалось. Чего вас дергать при вашей-то занятости. С большой долей вероятности дело не стоит выеденного яйца, не хочется казаться причитающей клушей.

Радецкий улыбнулся. На клушу доктор Шмакова была не похожа ни капельки. Ладно, как говорится, леди с фаэтону, пони легче. Можно ехать на тренировку, а потом домой. Если бы дело было действительно серьезное, так просто он бы от нее не отделался.

– Владимир Николаевич...

– Да, Милана Сергеевна.

– Вы так здорово придумали с этим маленьким снеговиком. Сева сегодня целый день то и дело прошмыгивал к холодильнику, чтобы на него посмотреть. Мы его днями не могли из палаты выманить, ни в игровую, ни к телевизору, а тут только и сновал туда-сюда. Я дежурную смену предупредила, чтобы, не дай бог, не сломали и не выбросили. Слез не оберемся. Но чем-то ему этот снеговик важен. Лежал же тряпочкой, полностью утратив интерес к жизни. А тут весь день смеялся и коробку с детективным набором распотрошил. Вы все-таки немножко волшебник, Владимир Николаевич. Хотя для хорошего врача это, наверное, нормально.

Она засмушалась от неожиданного комплимента и умолкла.

– Спасибо на добром слове, – пришел к ней на помощь Радецкий. – До завтра, Милана Сергеевна. Хорошего вам вечера.

– И вам, Владимир Николаевич.

Попрощавшись, он выключил компьютер, прошел в комнату отдыха, убрал в шкаф халат, натянул пуховик, погасил свет и покинул больницу, находясь в весьма неплохом настроении. Рабочая неделя тянулась своим чередом, и, видимо, сомнения Шмаковой, чего бы они ни касались, были полностью развеяны, потому что Радецкого она больше не тревожила.

Впрочем, в четверг она позвонила, чтобы сообщить: кто-то из персонала выбросил из морозилки Севиного снеговика. Проснувшись утром, мальчик в очередной раз побежал к холодильнику, чтобы проверить своего «дружочка», но снеговика

там не нашел. Ярко-красная шляпа и ленточка обнаружились в мусорном ведре в туалете для больных. Кто это сделал и зачем, узнать не удалось, потому что никто не признавался.

– Севка рыдает и отказывается от еды? – спросил Радецкий с досадой.

– Поплакал немножко, но сказал, что скоро выпадет нормальный снег, а вы обещали ему большого снеговика. Кроме того, тут стало известно, что его мама ночью благополучно родила девочку, так что он переключился на эту новость и плакать перестал.

– Вот и хорошо, – сказал Радецкий. – Я постараюсь к нему зайти.

В палату к мальчику он заглянул, правда, уже после работы, по дороге в спортзал. Препарат из пуповинной крови и плаценты, содержащий стволовые клетки, был изготовлен, совместимость проверена, и на пятницу назначена процедура трансфузии, для которой Севу необходимо было подключить к специальному аппарату, медленно вводящему препарат за несколько часов. Работающая система поддерживала нужную температуру, обеспечивала бесперебойное капельное поступление препарата в кровь, следила за состоянием мальчика, и все это было возможно благодаря недавно закупленному оборудованию, которое поставила фирма «Мед-Систем».

– Завтра будем тебя лечить лекарством, которое у нас появилось, благодаря твоей сестричке, – сказал он Севе, увлеченно копающемуся в наборе юного детектива. Расстройство из-за снеговика было, похоже, забыто.

– Ага. Мама ее фотографию прислала. Такая смешная, – деловито сообщил мальчик.

– Детективишь? – Радецкий кивнул на подаренную им коробку.

– Ага. Владимир Николаевич. Я тут одно преступление распутываю. Ночью по коридору ходит злоумышленник, который не хочет, чтобы его увидели. Это он моего снеговика выкинул, чтобы я к морозильнику не бегал и не мешал.

– Чему не мешал? – рассеянно уточнил Радецкий, которому, по хорошему, уже нужно было выезжать.

– Делать его черные дела. Я его прошлой ночью застукал, он еле-еле спрятаться успел, вот и решил от меня избавиться, чтобы я из палаты не ногой.

Ясно. Ребенок заигрался в детектива, как и велел главный врач. Что ж, надо подыгрывать.

– Ладно, Севка, закончишь свое расследование – доложишь результаты, – сказал Радецкий, вставая со стула. – Сестренка у тебя красавица, мама молодец, и завтра все будет хорошо. Слышишь?

Он ушел, совершенно не переживая из-за предстоящей процедуры. Не было в ней ничего сложного или необычного. С препаратом лишь нужно обращаться аккуратно, потому что было его мало, и больше раздобыть негде.

Гром среди ясного неба раздался в пятницу в районе четырех часов дня. Радецкий находился на конференции по летальности, поэтому ответить на звонок не мог. Поставленный в беззвучный режим телефон в кармане халата вибрировал снова и снова, словно у него была падучая. Такой припадок означал только одно – случилось что-то серьезное. Радецкий вытащил телефон из кармана. Шмакова.

– Срочно? – тихо спросил он в трубку, глядя на сидящего напротив заведующего гематологией, тоже участвующего в конференции.

Шмакова задыхалась от слез.

– Владимир Николаевич, у нас катастрофа. Я не знаю, что делать. Аппарат для трансфузии отключился.

С точки зрения Радецкого, это не было поводом так рыдать.

– Перезагрузите.

– Пробовали. Там батарея разряжена в ноль.

– Перейдите на второй.

– Он тоже не включается. Обе батареи вышли из строя. Мы не сразу спохватились. Уже двадцать минут простоя. Если срочно не

запустим, процедуру придется прервать и препарат пропадет. А другого же нет! Отец Васильева кричит, что он нас засудит. Они специально второго ребенка рожали ради стволовых клеток родственного донора, а тут такое!

– Милана Сергеевна, успокойтесь. Я уже иду.

Радецкий встал и пошел к выходу, краем глаза отметив, что заведующий отделением и непосредственный начальник Шмаковой идет за ним. Это хорошо, сообразил, что происходящее его тоже касается. По дороге в соседний корпус Владимир Николаевич позвонил жене. Аппараты поставляла ее фирма.

Гарантийный срок закончился три месяца назад, и больница объявила тендер на постгарантийное обслуживание, в котором «Мед-Систем» не смог участвовать из-за конфликта интересов. Других желающих выполнять работы по сложному техническому регламенту за небольшие деньги не нашлось, и в результате конкурс был признан не состоявшимся. Его нужно было объявлять заново, но пока руки не доходили. И вот вам, пожалуйста! У обоих аппаратов разом вышли из строя аккумуляторные батареи, и, разумеется, в самый неподходящий момент. Влада, выслушав мужа, решение приняла быстро.

– У меня на складе есть еще один такой аппарат, – сказала она. – Сейчас ребята достанут аккумулятор и привезут. В течение часа устроит?

– Надо бы быстрее, – сказал Радецкий сквозь зубы. Никакой суд его не пугал, а вот Севу было жаль. Нельзя, чтобы из-за неработающего аккумулятора накрылся реальный шанс на спасение его жизни. Никак нельзя! – Надо бы успеть за полчаса, максимум минут сорок, Владушка.

Он редко называл жену ласкательными именами, поскольку они совсем ей не шли. Она была деловая и серьезная, и Радецкий звал ее Владой, переходя на «телячьи нежности» крайне редко.

– Я постараюсь, – ответила она и отключилась. Пошла выполнять поставленную перед ней задачу.

Новый главный инженер, взятый Владиславой Громовой на работу после не самых приятных приключений со старым, появился в больнице спустя тридцать две минуты. Для того чтобы вставить аккумулятор в инфузионную помпу и заставить ее работать, ушло еще десять. Процедура, назначенная Севе Васильеву и прерванная из-за несвоевременной поломки оборудования, была продолжена, ничего страшного, к счастью, не случилось.

– Можете посмотреть, что с нашими аппаратами? – спросил Радецкий у главного инженера, которого, как он знал, звали Иваном. – Понимаю, контракта нет и вы не обязаны, но мне нужно понять, что произошло, чтобы не допустить подобного впредь.

– Конечно, Владимир Николаевич, – кивнул тот. – Мне и Владислава Игоревна велела обязательно все посмотреть.

Через десять минут Иван вынес вердикт: батареи обоих инфузатов вышли из строя из-за неправильной зарядки. По техническому регламенту, перед тем как поставить заряжаться, следовало специальным приборчиком разрядить их в ноль, однако сотрудники отделения заряжали аккумуляторы, то ли не разрядив их перед этим, то ли грубо прерывая процесс разрядки. Из-за этого батарея изнашивалась слишком быстро и не заряжалась на максимум, отказавшись работать в самый ответственный момент.

– Восстановлению подлежит? – спросил Радецкий, сатанея.

Он всегда приходил в ярость, когда что-то случалось из-за халатности и некомпетентности его сотрудников. В последние годы больница закупала оборудование на вполне ощутимые деньги. Один Радецкий знал, чего стоило ему выбивать нужное финансирование, доказывая и объясняя необходимость применения того или иного аппарата, операционной или диагностического комплекса. И бесхозяйственный подход в его глазах был самым страшным грехом. После непрофессионализма.

– Надо смотреть, – честно сказал Иван. – Я могу забрать и погонять у нас в офисе. Но документально нам эту работу никак не провести, вы же понимаете.

Радецкий понимал. Из-за того, что Влада стала его женой, больница утратила умного и порядочного подрядчика. Договор на техническое обслуживание не заключен, объявлять его сейчас – тратить время. Конечно, Влада дала попользоваться аккумулятором, снятым с инфузатора, хранящегося на ее складе, но он в любой момент может быть продан, а значит, батарею придется вернуть. Хотелось бы, чтобы к тому времени свои аппараты были в рабочем состоянии, поскольку пациентов в отделении много, не один Сева.

– Забирайте, под мою ответственность, – вздохнул он. – С Владиславой Игоревной я договарюсь.

Иван уехал, суматоха улеглась. Рабочий день подошел к концу, Сева давно уже отдыхал после процедуры, и перед уходом домой Радецкий снова зашел к мальчишке, чтобы убедиться – с ним все хорошо.

Тот лежал в кровати, немного бледный, но вполне довольный.

– Мама звонила, – сказал он. – Плакала, что все не зря. Сестричку показала в телефон. Такая смешная! Владимир Николаевич, а она не будет расстраиваться, что ее родили не потому, что хотели, а потому что надо было попытаться с ее помощью меня спасти? Мне бы обидно было.

Хорошим человеком рос Сева Васильев. Или это недетские страдания так развивают душу?

– Она не будет расстраиваться, если ты будешь очень-очень ее любить, – сказал Радецкий серьезно. – А еще обязательно поправишься, в знак благодарности. Ей же нужен здоровый старший брат, который станет ее оберегать и о ней заботиться. И она будет гордиться, что помогла тебя вылечить. Вот увидишь!

– Ладно. – Сева заметно успокоился. – Вы, конечно, правы. Владимир Николаевич, а может такое быть, что тот человек, который ночью приходил и уничтожил моего снеговика, специально вывел из строя аппарат? Мог он хотеть меня убить?

Нет, зря он велел мальчишке стать детективом. Все-таки Сева еще очень юн и не может отличать игру от реальности. Радецкий с

досадой решил, что стареет, раньше у него обходиться с детьми получалось лучше. Просто свои давно выросли, вот и сказывается отсутствие тренировки.

– Никто не хотел тебя убивать, Сева, – сказал он с максимальной убедительностью, на которую был способен. – Аппараты ломаются, даже если это очень важное и серьезное медицинское оборудование. К счастью, все хорошо закончилось, так что ты можешь про это не думать.

– А про того, кто ночью ходил по отделению, тоже? – уточнил мальчик. – Вы же его еще не поймали. Или ее. Я не разглядел, кто это был. Так, просто тень мелькнула. Этот человек услышал мои шаги и спрятался. Я же открыто шел, ни от кого не скрываясь.

Радецкий погладил мальчишку по голове.

– Ни о чем плохом можно не думать, – улыбнулся он. – Никто не придет и ничего плохого не сделает. Это же больница! Тут работают только хорошие люди.

На последних словах Радецкий вздохнул, ибо его собственный опыт подтверждал их ошибочность. Ну да ладно, девятилетнему Севе не обязательно про это знать.

Главный врач вышел из палаты и направился к выходу, чтобы ехать домой. Из приоткрытой двери в ординаторскую раздавался странный тоненький звук – там кто-то плакал. Он подошел, прислушался и заглянул внутрь. Положив голову на руки, горько рыдала доктор Шмакова.

– Милана Сергеевна, вы чего это изволили так расклеиться? – строго спросил Радецкий. – Надо уметь держать удар, тем более что ничего непоправимого не произошло.

Женщина подняла залитое слезами лицо, шмыгнула покрасневшим носом.

– Я виновата, Владимир Николаевич, я так виновата!

– В чем конкретно?

– Я еще в понедельник заметила: с одним из аппаратов что-то не так. Точнее, я несколько дней обнаруживала, что зарядное

устройство то включено в сеть, то отключено. Мне это показалось странным. Штепсель у него очень тугой, так просто не выпадет. Потом у меня была назначена процедура одному из пациентов, и инфузамат вел себя очень странно. Уровень заряда батареи все время скакал. Я хотела вам сказать. Помните? Когда вы к нам зашли. Но вам было некогда, и вы велели мне прийти в конце рабочего дня. За это время я решила, что мне просто показалось, и никуда не пошла. Если бы я все вам рассказала, то, может, сегодняшней ситуации и не возникло!

– История не знает сослагательного наклонения, – сообщил Радецкий. – Выводы надо делать, а не плакать. Вы мне лучше скажите: почему решили сообщить о своих сомнениях мне, а не пошли к заведующим? Вы Игоря Петровича в чем-то подозреваете?

На лице Шмаковой отразился ужас. Она даже руками замахала в ответ на такое нелепое подозрение.

– Бог с вами, конечно, нет! Просто Игорь Петрович не очень любит, когда кому-то что-то кажется. Он бы начал выяснять все... слишком громко, понимаете?

Радецкий понимал. Тактичностью заведующий гематологией не отличался. А вот специалист прекрасный. За это Радецкий был готов многое простить. Правда ли, что вилка зарядного устройства для инфузионного насоса была то включена в розетку, то выключена? Если да, что это означает? Кто-то хотел вывести оборудование из строя специально? Это выглядело таким бредом, что Радецкий сразу выкинул дурацкое подозрение из головы. Во всем виновата обычная безалаберность и разгильдяйство, а раз так, нужно еще раз проработать схему обращения с оборудованием, чтобы исключить повторение, а заодно установить, кто именно накосячил.

То же самое он объявил Владе, с которой встретился за ужином.

– Сегодня я учинять разборки не стал, потому что стгоряча мог и головы снести, хоть виновные, хоть нет. Слишком велико было

желание понять, кто в ответе за мои испачканные штанишки, – признался он.

– Сильно расстроился? – спросила жена. Она хорошо его знала.

– Нет. Скорее впал в недоумение. Не люблю, когда чего-то не понимаю. Но я разберусь, ты же знаешь. За выходные осадок уляжется, и будем смотреть, кто виноват и что делать. С инфузоматом поможешь?

– Помогу, конечно, – кивнула Влада. – Если у Ивана не получится привести аккумуляторы в чувство, закажу новые. Из собственных внутренних резервов. В конце концов, это была моя поставка. Будем считать, что мои инженеры недостаточно хорошо проинструктировали твоих техников, как обращаться с капризным прибором.

– Ты не должна. Гарантийный срок кончился.

Влада нетерпеливо махнула рукой.

– Перестань. Цена вопроса не так уж велика, чтобы об этом говорить. Но с конкурсом на техническое обслуживание тебе все-таки надо ускоряться. Моя фирма – не единственная, кто может выполнять такие работы.

– Но лучшая, – буркнул Радецкий.

– Спасибо, но ты пристрастен. – Она улыбнулась. – На «Мед-Систем» свет клином не сошелся.

Они приступили к ужину, даже не подозревая, что скоро последнее утверждение Владиславы Громовой будет опровергнуто самым неприятным образом. Через час позвонила Ира Веретьева, любимая сотрудница и почти подруга.

– Видела уже? – спросила она странным, неестественно напряженным голосом.

– Что именно? – не поняла Влада.

Радецкий затопил камин, и они сидели перед ним на ковре, удобно расположившись с бокалами красного вина и тарелочкой порезанного сыра, прижавшись друг к другу и глядя в огонь. Рядом лежали Фасолька и Беня, всем было хорошо и спокойно.

– В интернете цунами по поводу того, что из-за головопояства сотрудников «Мед-Систем» в областной больнице чудом не погиб ребенок.

– Бред какой-то, – искренне сказала Влада. – Во-первых, никто не погиб и, слава богу, не собирался. Максимум, что могло произойти, – это порча ценного биопрепарата. А во-вторых, «Мед-Систем»-то тут при чем?

– Я тебе сейчас ссылки скину, сама посмотришь, – зловеще сказала Ира.

– Ссылки? Их что, много?

– Да. В том-то и дело! Сначала пасквиль вышел в одном из каналов, а потом разошелся по еще нескольким пабликам. Классическая кампания травли. Кто-то очень хорошо постарался. Сама знаешь, когда речь идет о детском здоровье, народ реагирует крайне остро, так что угроза жизни тут, ясное дело, для красного словца, но отмыться практически невозможно. Никто не будет выяснять, была на самом деле угроза или нет, тем более что там папаша интервью дает, красочное такое. Грозится засудить больницу и главного врача. А «Мед-Систем» обвиняется в том, что мы, пользуясь твоей близостью к Радецкому, поставили в отделение гематологии некачественное оборудование, а потом препятствовали заключению договора на техническое обслуживание с другой фирмой. Мол, Радецкий сорвал аукцион, чтобы не платить бюджетных денег не своей жене. Есть призывы возбудить уголовное дело и начать проверку.

– Присылай, я посмотрю. – Влада отключилась и быстро пересказала мужу содержание разговора с Веретьевой.

– Интересно. – Радецкий растер ладонями лицо. – С учетом, что после происшествия прошло всего несколько часов, похоже, кто-то к нему готовился.

– Что ты имеешь в виду?

– Давай сначала посмотрим, что там, потом объясню.

Звякнул телефон, принося обещанные ссылки. Владислава открывала их одну за другой, читала вслух, внутренне мертвея от пакостности тона, чудовищности обвинений и гадливости от того, что кто-то может так грязно использовать произошедшее в больнице ЧП с ребенком.

Радецкий слушал молча. Его лицо ничего не выражало, словно окаменев.

– Ну да. Так и есть, – сказал он, когда Влада закончила.

– Что так и есть?

– Ну, посуди сама! Чтобы написать все эти тексты, разместить их в строго выстроенной последовательности, поддержать точечно вброшенными «правильными» комментариями, успеть найти папашу и сыграть на его чувствах, нужно время. А его бы не было, если бы тот, кто возжелал воспользоваться ситуацией нам с тобой во вред, узнал о том, что аккумуляторы вышли из строя, внезапно. Этот человек заранее знал, что они накроются.

– Но это же невозможно, – жалобно сказала Влада и вдруг замолчала.

– Возможно, если ты преднамеренно вывел их из строя, – высказал пришедшую ей в голову мысль Радецкий.

– Володя, но это же преступление...

– Ну да. Очередное преступление в больнице. Кто-то, зная о предстоящей Севе Васильеву процедуре, заранее вывел из строя аккумуляторы обоих инфузионных насосов. Для этого нужно было несколько раз подряд отключить из сети устройство, разряжающее их перед зарядкой. Милана Сергеевна заметила, что вилка зарядного устройства то включена в розетку, то выключена. Она еще хотела поговорить со мной об этом, а я, дурак, ее не выслушал, потому что, видите ли, был занят. Тот, кто портил прибор, делал это в несколько приемов. Несколько раз по утрам, когда это заметила Шмакова, и ночью, когда злоумышленника практически застукал Сева, отправившийся в очередной раз полюбоваться на своего снеговика. Мальчишка-то был прав: в коридоре действительно кто-то

ходил, а снеговика уничтожил, чтобы лишить Севу необходимости выходить из палаты. Черт, они же мне оба говорили, а я отмахивался, не думая, что это важно. Идиот!

Влада погладила его по руке, призывая успокоиться.

– Ты совершенно ни в чем не виноват, – сказала она. – Как всерьез реагировать на то, что больному ребенку слышатся шаги в ночном коридоре? И вообще важно не это. Надо получить ответ на два извечных вопроса: кто виноват и что делать?

– Виноват тот, кто готов рискнуть здоровьем девятилетнего мальчишки, уничтожив биопрепарат, ради которого его мать девять месяцев носила беременность, чтобы спасти старшего сына, – жестко сказал Радецкий. – Спланировать и повернуть все это только ради обвинения меня в конфликте интересов, лоббировании финансового благополучия моей жены и коррупции, а тебя в недобросовестности ведения бизнеса... Нужно очень сильно не любить нас обоих. Это во-первых.

– А во-вторых?

– Иметь доступ в больницу, к аппаратуре.

– Кто же способен и на первое, и на второе? – спросила Влада. – У меня, конечно, полно конкурентов, и они не всегда действуют белыми методами, но чтобы настолько...

– Ты правда не знаешь? – Радецкий усмехнулся.

– Олег, – выдохнула Влада и даже зажмурилась от осознания чудовищности ситуации. – Тихомиров. Я поймала его на грязной игре и сговоре с моим конкурентом, из-за которого чуть не накрылось дорогостоящее оборудование в гибридной операционной. Ты его за это уволил, а он так и не смог устроиться на работу, позволяющую хотя бы отдаленно поддерживать уровень жизни, к которому привык. Думал, что мои конкуренты, ради которых он все это затеял, его спасут, а они выбросили его на обочину, как рваную тряпку, когда он перестал быть им полезен. Точно, больше никому!

– Некому. Особенно с учетом того, что я в начале недели видел его на территории больницы. Как раз шел в гематологию и глазам своим не поверил, а когда оглянулся, Тихомирова уже не было. Впрочем, неоспоримый факт, что причина неприятностей кроется в нем, нам, к сожалению, ничем не поможет.

– Почему? – удивилась Влада.

– Доказательств, что аккумуляторные батареи были выведены из строя специально, у нас нет. Ни единого. А без этого мы никому не объясним: вся эта история затеяна только для того, чтобы нас с тобой подставить.

– И что теперь будет?

Радецкий нехорошо усмехнулся.

– Масса проверок, включая прокурорскую. Не исключаю, что и возбуждение уголовного дела, как этого требуют праведники в интернете. Того самого, от возбуждения которого я спас Тихомирова, ограничившись увольнением. Пожалел гаденыша! Что ж, он нас с тобой не пожалеет. Готовься, Влада! В лучшем случае нас ждет мотание нервов и лишние седые волосы.

– А в худшем?

– А в худшем – мое увольнение.

– Володя! Мы не будем сдаваться, – возмутилась Владислава. – Не может быть, чтобы этот мерзавец победил только потому, что ему хочется отомстить. Ни ты, ни я ни в чем не виноваты, а значит, должен быть способ это доказать. Давай подумаем, кто может нам помочь.

– А что тут думать? – Радецкий притянул жену к себе и поцеловал в висок. – На нашей стороне два таких сильных игрока, как начальник городского УВД полковник Бунин и журналистка Инесса Перцева.

– Ну вот. Значит, первый поможет официально оформить и пустить в работу доказательства, которые ты соберешь в больнице. А вторая придумает, как, пользуясь этими доказательствами, развернуть общественное мнение в интернете в нашу пользу. Звони.

– В десять вечера в пятницу?

– Да, до понедельника нас с тобой затопчут в информпространстве, после чего явившейся прокуратуре только и останется, что упаковать нас тепленькими. Твои Бунин и Перцева не малые дети, спать в десять вечера не ложатся.

Радецкий потянулся к телефону.

– И еще, – остановила его Влада. – Ты сказал, что злоумышленник, который выводил аппаратуру из строя, делал это несколько дней подряд, причем как днем, так и ночью. У Олега не было такой возможности. Это делал другой, тот, кто может приходить в отделение гематологии, не вызывая подозрений, причем по сменам. Ты должен ответить на вопрос Ивана Александровича, кто это может быть.

Радецкий вдруг засмеялся. Громко, от души.

– Я уже и забыл, что ты настоящий Шерлок Холмс и Эркюль Пуаро в одном флаконе, – сказал он. – Твоя убийственная логика не устает меня поражать, хотя я и себя считаю человеком крайне логическим. Конечно, это кто-то из сотрудников отделения. Надо просто наложить график дежурств на то время, когда Шмакова и Сева заметили неладное, и понять, кто в эти дни работал. А после этого установить, как этот человек может быть связан с Тихомировым. Первая часть, несомненно, моя забота. А со второй Иван справится в лучшем виде.

Он сделал несколько телефонных звонков, последний из которых был доктору Шмаковой, дежурившей сегодня ночью. Сначала она решила, что он звонит узнать, как Сева, а потом выполнила его просьбу. Если Милана Сергеевна и удивилась, то вопросов не задавала. Распечатав присланные ею фотографии, Радецкий вернулся на ковер перед камином, удобно расположился на нем и углубился в работу.

К полуночи перед ним лежал листок бумаги с тремя фамилиями. В те смены, когда Шмакова заметила беспорядок с зарядным устройством, а Сева Васильев слышал странные шаги в коридоре,

после чего пропал снеговик, работали две медсестры и одна санитарка. Этот список Радецкий отправил полковнику Бунину, после чего строго велел Владе ложиться спать.

За окном начинался снегопад. Мягкий пушистый снег падал с неба, ложась на землю невесомым пухом, переметаемым ветром с места на место. Видневшееся в окно небо (Радецкий не признавал штор и никогда их не закрывал) казалось крапчатым, как иссиня-черная ткань, покрытая неровными белыми кляксами. От порхающего в свете фонаря снега голова тоже немного кружилась, но сон не шел.

«Что-то я стал чересчур чувствительным, – с досадой думал Радецкий, – старею, наверное. Раньше меня не накрывало бессонницей из-за какой-то там кляузы».

Уж чего-чего, а кляуз в его жизни было столько, что и не упомнить. Их писали пациенты и их родственники, коллеги, начальники и подчиненные, поставщики и прочие контрагенты, чиновники и оппозиционеры. Эка невидаль! Однако сейчас дело касалось не только его самого, но и Влады, поэтому задевало особенно сильно.

Что ж, мерзавец Тихомиров знал, куда бить, чтобы попасть по больному. Только он явно недооценил, с кем связался. Бьют – беги – это не про Владимира Радецкого, который еще в бытность свою военно-полевым хирургом привык поворачиваться лицом и идти навстречу опасности. Это правило всегда приносило победу, и в этот раз будет точно так же. Придя в своих рассуждениях к такому выводу, он сам не заметил, как заснул.

Утро принесло новую волну хейта в соцсетях. Нанятый Тихомировым специалист явно был мастером своего дела и нагнетал истерию грамотно, как по нотам. Что ж, совсем скоро Инесса Перцева выяснит, кто это. Она свое дело тоже знает хорошо.

Первые результаты появились в районе субботнего полдня. Радецкий как раз успел проснуться и съездить на урок игры на саксофоне, который он всегда брал по субботам. Не было ни

малейшей причины сегодня отступить от раз и навсегда заведенного графика.

Влада тоже уехала на работу, она решала проблему с аккумуляторами, и раз ее инженеры трудились не покладая рук, сама она тоже считала неправильным отсиживаться дома. Иван Бунин позвонил, когда Радецкий, вернувшись, загнал машину за ворота.

– Екатерина Рыкованова, – сказал он.

– Точно?

– Обижаете, доктор. Точнее не бывает. Ваша медсестра – двоюродная сестра жены Тихомирова.

– Ясно.

– Помощь нужна?

– Нет, сам справлюсь. Спасибо.

– Как всегда. – Полковник вдруг засмеялся. – Но если что, звоните.

Память услужливо выдала фотографию с расписанием дежурств в отделении гематологии, присланную Шмаковой. Ну да, все правильно. Радецкий снова сел за руль и поехал на работу. Ему нужен был мальчик Сева Васильев, и он очень надеялся, что его пышущий негодованием отец даст им поговорить.

К его счастью, Васильев-старший как раз уехал в роддом, проведать жену, точнее, поторчать под окнами и отдать передачу. Все как положено, чин по чину. Радецкий ужасно сердился, и на себя тоже, в первую очередь из-за того, что так сильно злится. Сева лежал на кровати и чувствовал себя неплохо. В детектива он согласился поиграть сразу и с удовольствием.

– Снег идет, – сказал мальчик, блестя глазами. – Как ночью пошел, так и не прекращается.

На посту никого не было – вот ведь бардак, и он прошел в сестринскую, стараясь не привлекать внимание дежурного врача, сменившего поутру доктора Шмакову. Объясняться, что он тут делает в выходной день, Радецкому было не с руки.

Из сестринской доносился веселый смех и звяканье чашек – там пили чай, совершенно не заботясь о том, что правилами внутреннего распорядка заведено, чтобы кто-то из дежурных сестер обязательно был на посту. Вдруг кому-то из больных что-то понадобится или, не дай бог, конечно, станет хуже! Главный врач снова начал злиться, потому что разгильдяйство и вытекающий из него бардак были совершенно неистребимы, как ни старайся. Он мрачно подумал, что в понедельник его подчиненных ждет разнос.

Толкнув дверь, Радецкий шагнул в сестринскую. Медсестры, все три, включая Екатерину Рыкованову, как по команде, повернулись в его сторону и замерли при виде главврача, застукавшего их за распиванием чая с тортиком. А что такого, суббота!

– Марина Николаевна, Ксения Александровна, выйдите, пожалуйста, – ровным голосом попросил Радецкий. – И вернитесь на пост.

Его ровный негромкий голос не предвещал ничего хорошего. Это подчиненные знали так же точно, как то, что за окошком зима. Марина, та, что постарше, ойкнула, со стуком поставила чашку на стол, так что немного горячего чая выплеснулось ей на колени, снова ойкнула, теперь уже от боли, вскочила и прошмыгнула за дверь. Рыжеватая, немного неповоротливая Ксюша, только в этом году окончившая медучилище, чуть замешкалась, но тоже вышла. В комнате остались только Радецкий и Рыкованова, смотревшая не испуганно, а скорее затравленно, но с вызовом.

– Перчатки надо надевать, – сказал Радецкий негромко.

Она растерянно уставилась на него.

– Что?

– Когда вытаскиваешь вилку зарядного устройства для аккумуляторов из розетки, нужно надевать перчатки, – любезно пояснил он. – Вы, Катя, слышали когда-нибудь про отпечатки пальцев?

Он блефовал, потому что никаких отпечатков никто не снимал и даже не собирался, да и уверенности, что она орудовала без

перчаток, у него не было. Не совсем же дура, в самом-то деле. На лице медсестры отразилось все испытываемое ею внутреннее смятение. Радецкий и рад бы был почувствовать злорадство, но его не было. Только бесконечная брезгливость.

– Я не могла оставить никакие отпечатки, – выпалила Рыкованова и тут же прикусила язык, понимая, какую оплошность совершила. У Радецкого же, казалось, открылся третий глаз – он увидел, как все происходило на самом деле.

– Вы были без перчаток, но протирали вилку? Чем, полами своей куртки? Или салфетку прихватили? Только штепсель тугой, так что за розетку вы тоже держались.левой рукой. Ее же вы не протерли, Катя?

Она дернулась, чтобы куда-то бежать – протирать розетку, наверное. Радецкий усмехнулся – он верно все рассчитал.

– Впрочем, дело даже не в розетке. Мальчик вас видел.

Он снова блефовал, но согласившийся сыграть в детектива Сева подтвердит, если понадобится ее дожать. Впрочем, Рыкованова сдалась без боя.

– Когда я несла снеговика? Вот ведь крысеныш! Но это ничего не доказывает. Снеговику из грязного снега нечего делать в холодильнике, стоящем в гематологическом отделении. И вы должны лучше меня это знать. Вы ведь главный врач. Пока.

– Я и останусь главным врачом. – Радецкий мило улыбнулся, как крокодил, решавший, сожрать выбранную жертву целиком или выплюнуть тапочки. – Как бы Олегу Павловичу ни хотелось, чтобы было иначе. – Она изменилась в лице. – Мальчик вас видел, когда вы отключали устройство. Он просто не понял, что именно вы делаете, но его показаний будет вполне достаточно.

– Для чего?

– Для возбуждения уголовного дела. Вы же этого добивались, да? Вы, Тихомиров и ваш блогер. Только дело будет возбуждено не против меня или моей жены, а против вас, Катя. Умышленную порчу чужого имущества можно впаять точно. Не говоря уже об оставлении

пациентов в заведомой опасности. Как вам вообще могло прийти в голову испортить аппарат перед процедурой Севы Васильева! Вы не понимали ее важности и того, что препарат уникален? Ладно Тихомиров, он мерзавец. Но вы же – медицинский работник, Катя! Неужели ради мести можно пожертвовать жизнью или здоровьем чужого ребенка?

– Вы не думали о дочке Олега, когда его увольняли, – выпалила Рыкованова.

– О дочке должен думать сам Олег. Он не очень-то заботился о последствиях, когда ввязывался в сомнительные аферы. В этот раз я его не отпущу так легко, как в прошлый. Он вряд ли сядет, конечно. Срок грозит только вам, но от ошметков его репутации совсем ничего не останется.

– Срок? Мне?

Ее злобное и глуповатое лицо стало совсем растерянным.

– Ну вы же испортили два дорогостоящих аппарата и чуть не сорвали жизненно важную процедуру. Не Тихомиров!

– Он меня заставил! – воскликнула она.

– Пытками? – осведомился Радецкий.

Ему вдруг стало ужасно скучно. Он даже не думал, что женщина так легко сдастся. И его врага сдаст тоже. Хотя негодяи и подонки остаются такими же, даже в отношении близких. Фу, пакость какая!

Рыкованова вдруг зарыдала, некрасиво, навзрыд. Радецкому всегда было неприятно смотреть на плачущих женщин, словно в слезах крылось что-то непристойное.

– Владимир Николаевич, что же делать? Я не хочу в тюрьму, я не вынесу.

– Берите ручку, бумагу и пишите, как все было, – с напором сказал он, закрепляя быстрый успех.

В отличие от этой дурочки он понимал: ей вряд ли что-то угрожает. Недоказуемо это все, а значит, ненаказуемо. Главное, чтобы ей сейчас Олег не позвонил. Бумага, которую Екатерина послушно уселась писать, была нужна только ему, чтобы отбояриться от

начальства и всевозможных проверок. Судьба Рыковановой его совершенно не интересовала – после того, как он ее уволит, конечно.

Спустя пятнадцать минут он держал в руках лист бумаги, исписанный неровным почерком. Текст содержал огромное количество чудовищных ошибок, но смысл они не искажали. Черным по белому говорилось о том, как Олег Тихомиров уговорил Екатерину Рыкованову вывести из строя аккумуляторы двух инфузионных насосов, чтобы причинить неприятности главному врачу больницы Владимиру Радецкому и его жене Владиславе Громовой, директору фирмы «Мед-Сервис».

Он как раз заканчивал чтение, когда зазвонил телефон. Это была журналистка Инесса Перцева.

– Здравствуйте, Владимир Николаевич, – сказала она. – Я нашла поганца, который серию публикаций запустил. Руки ему больше не мешают, пилы не надо. Готов публиковать опровержения и все такое.

– Спасибо, Инна, – сказал Радецкий сердечно. – Опять выручила. А «все такое» я тебе сейчас пришлю. Увлекательное будет чтение. У поганца число просмотров рванет в недостижимую высоту.

Он быстро сфотографировал лист бумаги, который держал в руках, и отправил его Перцевой и заодно Ивану Бунину.

– Что сидим? – спросил он притихшую у стола Рыкованову.

– А что надо делать? – не поняла она.

– Заявление на увольнение писать. Или вы хотите, чтобы на вас в понедельник вся больница пальцем показывала?

Дождавшись, когда будет готова вторая бумага, он пошел к выходу из отделения, чувствуя себя бесконечно уставшим. Не так уж это и просто – разгрести человеческую мерзость. И привыкнуть к ней никак нельзя, что ты будешь делать.

К утру понедельника во всех каналах и пабликах разошлась новость про травлю, жертвой которой стало руководство областной больницы и компании «Мед-Систем». Вспомнили и грязную историю, где несколько лет назад был замешан бывший зам. главного врача

по хозяйственной части Олег Тихомиров, уволенный за финансовую нечистоплотность и решивший отомстить.

На все лады склонялась глупая медсестра, рискнувшая здоровьем маленького пациента, а также превозносились профессиональные действия медперсонала, сумевшего быстро найти выход из сложной ситуации и закончить жизненно важную для него процедуру.

Позвонил министр регионального здравоохранения – молодой активный мужик, которому Радецкий симпатизировал. Высказал слова благодарности и поддержки. Екатерина Рыкованова и Олег Тихомиров писали объяснения в полицию. Работодатель Тихомирова уже известил того, что он уволен.

Зарядные устройства для обоих инфузоматов были привезены и установлены за счет компании «Мед-Систем», юристы которой готовили к Рыковановой и Тихомирову иск о возмещении ущерба.

– Где этим убогим деньги взять? – спросил Радецкий за завтраком.

– А какая мне разница? – жестко спросила Влада. – Могут квартиру продать. Машину. Или на панель пойти. Но выплатят они мне все до копеечки.

– Недобрая ты какая, – улыбнулся он.

– На добрых воду возят, – ответила она. – А я справедливая. И эта сволочь ответит за все. Включая то, что он вообще посмел доставить тебе неприятности.

– Разве ж это неприятности? – махнул рукой Радецкий и поехал на работу.

Третьи сутки шел снег. Небеса словно пытались компенсировать предыдущую задержку и трудились не переставая. Пышный белый ковер укрывал землю, снегоуборочные машины на трассе и городских улицах ездили туда-сюда, дворники были подняты в ружье, но ничего не помогало. Город тонул в снегу, скрывающем его очертания под белым одеялом, погружался в зимнюю сказку, которой совсем скоро предстояло стать предновогодней.

Радецкий припарковал машину на больничной стоянке и пошел к корпусам. Настроение у него было отличное. Снег выпал, значит, теперь все точно будет хорошо. На газоне под окнами гематологического отделения кто-то лепил огромного снеговика. Туловище из трех шаров разного размера уже было готово. На голове красовалось красное пластиковое ведро, на шее – полосатый бело-красный шарф. Автор скульптуры воткнул нос-морковку, отошел на пару шагов, чтобы полюбоваться делом своих рук, повернулся, привлеченный звуком шагов, увидел Радецкого и замер. Это был отец Севы Васильева.

– Владимир Николаевич, – сказал он и замолчал, потому что голос дал петуха и съехал на противный фальцет. – Владимир Николаевич, вы простите меня, пожалуйста. Я очень виноват перед вами за то дурацкое интервью. Просто очень испугался за Севу, понимаете? Препарат испортится, и окажется, что все это было зря. Беременность, роды и вообще...

– Я все понимаю, – мягко сказал Радецкий. – И ничего не зря. У вас теперь есть чудесная дочка. И Сева скоро поправится. Конечно, путь предстоит непростой, но я практически убежден, что все закончится хорошо. Динамика положительная, и Сева очень упорный мальчик.

– Да, он загадал, что если мы сможем слепить снеговика, то все обязательно будет хорошо. Вот мы и лепим.

– Мы?

– Да. Севе нельзя на улицу, но он в окно смотрит. Владимир Николаевич, спасибо вам!

Радецкий задрал голову и увидел мальчишечье лицо, прижатое к оконному стеклу. Сева махал ему рукой, и он ответил тем же, а потом показал большой палец и пошел к входу в больницу.

Владимир Радецкий не любил понедельники, но бесконечно ценил свою выматывающую, зачастую неблагодарную, трудную, но такую необходимую людям работу. Он делал ее хорошо и знал об этом, не нуждаясь ни в чьем одобрении или признании.

Праздник для настоящего мужчины

В выходной работать особенно грустно. А уж если он выпадает еще и на праздник, то настроение совсем на нуле. Тем более что праздник не абы какой, а практически профессиональный. День защитника Отечества.

Ася тихонько вздохнула. С одной стороны, она действительно была настоящим защитником Отечества, поскольку служила в полиции, точнее, в ГИБДД. С другой – 23 февраля традиционно считалось Днем настоящих мужчин. И те, кто откосил от армии, а теперь работал каким-нибудь консультантом по впариванию мобильных, почему-то имели на этот день гораздо больше прав, чем она, настоящий лейтенант в погонах, вот только в форменной юбке.

Она снова вздохнула, потому что сегодня дежурила на одном из городских перекрестков и одета была вовсе даже не в юбку, а в теплые штаны «на вате», как называла такие в ее детстве бабушка Валя. Постой-ка десять часов на морозе, да еще в юбке! Будет тебе не праздничное настроение, а сопли с циститом.

Ася и сама не знала, отчего у нее так скверно на душе. Ну не из-за 23 февраля же, на самом-то деле! Она и 8 марта праздником особо не считает, потому что дурь это – поздравлять друг друга по гендерному признаку. То ли дело Новый год и День рождения! Их в Асиной семье отмечали с размахом и огоньком, готовились заранее, стараясь придумать сюрприз, обязательно очень приятный. А тут – ни два, ни полтора. Принято поздравлять мужчин, многих из которых и мужчинами-то назвать трудно!

На этом месте размышлений снова последовал вздох, потому что настоящих мужчин в Асиной жизни было раз-два и обчелся. Раз – это, конечно, папа. Бизнесмен, спортсмен и просто седовласый красавец, на которого до сих пор оглядываются все встречные женщины. Когда-то именно это обстоятельство заставило маму

подать на развод, потому что существовать рядом с чужими «обмираньями» было не очень комфортно.

Два – это мамин второй муж дядя Вадик, который своими руками может и дом построить, и машину починить, и обои переклеить, и дерево посадить. От зари до зари работает в такси, не чураясь никакой работы, потому что семью нужно кормить. Так принято.

Этим список исчерпывался. Нет, конечно, в Асиной двадцатишестилетней жизни присутствовало немало ухажеров. Девушкой она была красивой, с длинными шелковистыми волосами, спускающимися ниже спины, огромными глазами, как у олененка из мультика, талией, такой тонкой, что двумя пальцами перехватишь, длинными стройными ногами. Ноги были особым предметом Асиной гордости, и их неземную красоту она подчеркивала высокими каблуками, с которыми не расставалась даже на дежурствах. Начальство бурчало, но не запрещало. Прекрасное начальству тоже было не чуждо.

В общем, воздыхатели, поклонники и иногда даже любовники в Асиной жизни были, а вот настоящих мужчин не было. И глядя на замужних уже подруг, она чаще и чаще приходила к выводу, что их и вовсе теперь не бывает, этих самых настоящих мужчин. Вымерли как мамонты. А те, что остались, норовят полежать на диване, уткнувшись в телевизор, выпить «полтораху пива», вместо того чтобы почитать ребенку книжку или сводить его на мультики. Ноют, бухтят, вечно недовольны... Нет, чем с таким жить, так лучше одной. Себе же спокойнее.

В который уже раз придя к мысли о неизбежном одиночестве, Ася снова вздохнула и вдруг обратила внимание, что ее напарник Ромчик, оказывается, что-то ей говорит. Похоже, обращался он к ней давно, а она, погруженная в свои мысли, и не слышала. Вот ведь незадача!

Впрочем, обидеть Ромчика было совершенно невозможно. Во-первых, потому, что в их городском управлении он был самым незлобивым и добродушным сотрудником, и лишить его

самообладания было практически нереально. А во-вторых, потому, что в Асю он был, естественно, тайно влюблен. Причем так сильно, что в тайну эту было посвящено минимум пол-управления.

– Тебе чего, Ромчик? – ласково спросила Ася. К напарнику она относилась тепло, как, пожалуй, к двоюродному брату.

– Да говорю, слышала о том, что в Москве самый дорогой в мире мотоцикл угнали?

Ася снова вздохнула, невольно подумав, что скоро начнет сама себе напоминать ослика Иа-Иа. О Ромкиной страсти к мотоциклам в управлении тоже знали все. Мотоциклами парень просто бредил. У него самого был простенький «ИЖ», на котором в молодости гонял еще его отец, но мечтал он, естественно, о «Харлее», не меньше, и про мотоциклы знал все, а говорить о них мог часами. Сейчас он стоял перед Асей, и глаза у него светились восторгом. То ли от того, что он готов был оседлать любимого конька, то ли потому, что на нее он всегда смотрел с восхищением.

– Ну как же, Ась! В Москве выставка проходила. Собрали раритетные мотоциклы со всего света. В общем, я туда еще поехать хотел, посмотреть, но с дежурствами не выбраться никак, но тема знатная. К примеру, из Америки привезли позолоченную «Ямаху» в стиле чопер. Он реально настоящим золотом покрыт, двадцатичетырехкаратным! Его в 2006 году сконструировали, в единственном экземпляре, представь! Сиденье красным бархатом оббили. Он три миллиона долларов стоит.

– Сколько?

– Ага. Три миллиона. За мотоцикл. С ума сойти! Или еще «Хильдербрандт и Вольфмюллер». Тот еще и подороже будет. Вообще уникальная вещь. Его в последний раз использовали почти девяносто лет назад, представляешь? Он был собран в Мюнхене в 1895 году. Их вообще всего два года производили и выпустили около восьмисот штук.

– И что, этот раритет еще ездит? – насмешливо спросила Ася.

– Сейчас уже нет, конечно. Хотя когда-то развивали скорость до 48 километров в час. Они все больше по музеям стоят. Например, в музее Генри Форда в Детройте. Про это я точно читал. А этот какой-то американке принадлежит, вот она его на выставку и отправила. Это же престижно.

– И что? Его и украли? – Ася спрашивала лениво, не из интереса, а ради поддержания разговора. Не обижать же Ромчика. Он хороший. Добрый, не подлый, на нее смотрит словно теленок. Одновременно ласково и немного печально. И хозяйственный, судя по рассказам, и детей любит. Хороший муж и отец кому-то достанется. Но не ей. Ей нужен другой мужчина. Самый лучший.

– Нет, что ты, украли другой, – говорил меж тем Ромчик, и не подозревающий, что только что проиграл конкурс на звание «самого лучшего мужчины». – Украли одного из «Дикобразов».

– Чего-о-о-о?

– «Дикобраз» – это такой гоночный мотоцикл, – кинулся объяснять воодушевленный ее интересом Ромчик. – Их мастера из AJS всего-то четыре экземпляра выпустили. Это фирма такая британская. Дикобразом его прозвали из-за шипов, установленных на ребрах охлаждения. Впервые такой мотоцикл представили на аукционе «Бонхемс», и гонщик Лесли Грэм в 1949 году выиграл на нем первое британское послевоенное первенство по мотогонкам.

Ася все-таки не сдержалась, зевнула.

– И зачем его украли? – уточнила она, чтобы скрыть свою отчаянную скуку. – Кому он нужен?

– Кому могут быть нужны семь миллионов долларов? – Рома даже покраснелся от эмоций. – Да за такой мотоцикл любой коллекционер запросто солидные денежки выложит!

На пустынной до этого, немного даже сонной по причине праздничного утра улице вдруг появился автомобиль. Он приближался на довольно приличной, явно превышенной скорости, большой черный «Гелендваген», и Ася, вспомнив, что при исполнении, отстранила надоедливого напарника, шагнула на

дорогу, подняла жезл. Она была уверена, что машина проскочит, не подчинится требованию, и была готова передать данные дежурному, но водитель, видимо, не собирался «нарываться», а потому послушно вильнул в сторону обочины и остановился.

Неподалеку намеревалась переходить дорогу в неполюженном месте какая-то бедовая бабулька с большой клетчатой сумкой на колесиках.

– Давай, я тут, – предложил Рома, кивнув на намертво затянутые черной пленкой окна «Гелендвагена», через которые было не видно, что происходит внутри. – Иди вон со старушкой разберись.

– Нетушки. – Ася показала ему язык. – Сам иди, переводи старушек через дорогу. А этого я остановила, я и разберусь.

Спорить Рома не стал и двинулся наперерез пожилой нарушительнице, явно не желающей делать лишние шаги, чтобы дойти до пешеходного перехода. Ася же приблизилась к водительской дверце и терпеливо застыла, ожидая, пока затемненное стекло поедет вниз.

– Лейтенант Громова. Ваши документы, пожалуйста.

Теперь, когда стекло опустилось, было видно, что за рулем «Гелендвагена» – молодой человек, примерно Асин ровесник. До тридцати уж точно.

– Пожалуйста. – Он разглядывал ее с улыбкой, видимо, не ожидал увидеть на дороге девушку, да еще такую симпатичную. – А что я нарушил?

– Во-первых, скорость, – строго сказала Ася, понимая, что без радара вряд ли это докажет.

– Ехал 68 километров в час, – бодро отрапортовал молодой человек, которого, судя по протянутым документам, звали Константином Ровенским. – Никак не больше. Хотя, если у вас есть доказательства, я покаюсь.

– Доказательств нет, – скучным голосом согласилась Ася, похлопывая обтянутой в тонкую кожу книжечкой с документами по ладошке. – Но вас это не спасет.

– От чего?

– От справедливого возмездия.

– Вот как? Это почему же?

– Потому что ваша машина затонирована сверхразрешенной нормы. Поэтому сейчас я выпишу вам штраф за тонировку лобового и передних стекол, а вы пока припаркуйтесь в сторонке и пленочку отдерите, будьте добры.

– Слушай, сестренка, давай договоримся по-мирному, – предложил парень. – Ну жалко же пленку отдирать! Она дорогая. Очень высокого качества.

– Догадываюсь. Судя по вашей машине, – согласилась Ася и открыла блокнот с постановлениями. – И что с того?

– Не надо штрафа. И отдирать давай ничего не будем. Ты скажи, сколько денег дать? И разъедемся по-хорошему.

Ася посмотрела на противоположную сторону улицы, где Ромка все еще «воспитывал» бабу-нарушительницу. Хорошо, что он не слышит, а то неприятностей было бы не обернуться. Принципиальный Ромчик таких предложений не переносит. Константин Ровенский оценил ее взгляд иначе.

– Да не вопрос, и напарнику твоему хватит, – сказал он и полез в нагрудный карман за кошельком. – Сколько вам, пять на двоих или, в честь праздника, десять?

Это был первый человек, который с утра вспомнил про то, что у них с Ромчиком праздник. Причем у обоих. Ну надо же, и почему именно при таких обстоятельствах? Щеки у нее предательски вспыхнули.

– В соответствии со статьей 291 УК РФ, дача взятки должностному лицу при исполнении – это уголовно наказуемое деяние, за которое уплачивается штраф в сумме от 15-кратной до 90-кратной по отношению к взятке, – еще более скучным голосом сказала она. – Одним из отягчающих обстоятельств является дача взятки должностному лицу за то, чтобы он заведомо совершил

противозаконные действия или бездействие. Это как раз ваш случай. От двух до двенадцати. Лет, разумеется.

– Ты серьезно, что ли? – Парень, похоже, изумился не на шутку.

– На брудершафт мы вроде не пили. Так что давайте не будем терять время. Оформляем протокол об административном нарушении, выписываем штраф и отдираем пленку, гражданин.

– Ух ты! – Ровенский даже развеселился, видимо, от абсурдности ситуации. Какая-то пигалица в штанах на вате и с длинной косой пыталась разговаривать с ним строгим голосом, чего другие люди не позволяли себе уже лет восемь, не меньше.

– Работаете где? – говорила между тем «пигалица».

– Колхоз «Красное знамя», – бодро отрапортовал он и снова засмеялся, потому что теперь «гаишница» смотрела на него с возмущением, видимо решив, что он над ней издевается. – Нет-нет, я действительно там работаю. Мой отец – директор колхоза. Это самое знаменитое хозяйство в области, не слышали разве? А я у него заместитель. И машина, кстати, тоже на предприятие записана.

– О, то есть штраф выписывать на юридическое лицо? – уточнила Ася. – Хорошо, так и запишем. Доверенность на управление транспортным средством предъявите, пожалуйста. И путевой лист, заверенный медицинским работником.

– Вы что, издеваетесь? – Ровенский прищурился, все же перейдя на «вы». – Это моя машина, я на ней уже год езжу, просто куплена на предприятие. Так что выписывайте свой дурацкий штраф на меня и давайте уже разъедемся.

– Штраф на юридическое лицо. Если документов нет, отразим это в протоколе. И пленочку, пленочку отдирайте.

Если бы нарушитель не стал совать ей взятку, а просто поныл бы про то, что в честь праздника его надо пожалеть, то Ася и впрямь ограничилась бы просто предупреждением и отдираанием проклятой пленки, погубившей уже не одну жизнь. Ну почему, почему людям нравится ездить в полностью закупоренных «гробах», через которые света белого не видно! Ладно бы еще летом, а зимой-то какая в этом

нужда? Но парень олицетворял собой все то, что она ненавидела: мажор, папенькин сынок, спокойно разъезжающий на автомобиле стоимостью в сорок пять годовых пенсий среднестатистического российского пенсионера, ничтожество, решившее, что может купить весь мир.

– То есть не договоримся? – мрачно спросило ничтожество и начало яростно сдирать тонирующую пленку с лобового стекла. – Ну ладно, только учти, замуж тебя, такую вредную, точно никто не возьмет!

– Не ваша печаль, – сообщила ему Ася и углубилась в протокол.

Спустя полчаса сияющий прозрачными стеклами «Гелендваген» уехал, увозя за рулем мрачного обладателя солидного штрафа, и Ася тут же про него забыла. Осталось только ощущение выполненного долга, то самое ощущение, которое она так любила в своей тяжелой, зачастую неблагодарной, но все-таки нужной и важной работе.

День тянулся своим чередом и перевалил уже за половину. Работы было много, но все-таки не как в будний час пик, поэтому Ася с благодарностью думала о том, что праздник – это все же хорошо, да еще о том, что вечером кончится их с Ромкой смена, а значит, «выпасать» нетрезвых автовладельцев, возвращающихся из гостей, им уже не придется.

Хотелось домой, принять душ, снять теплые штаны и куртку, распустить волосы, потискать кота, может быть, съездить к маме и дяде Вадику на вкусный ужин, а потом вернуться к себе, завалиться в ванну с душистой пеной, выпить бокал красного вина, почитать интересную книжку. Как хорошо, что завтра выходной и можно будет долго спать утром, а потом валяться в постели, смотреть детективный сериальчик и...

Додумать Ася не успела, потому что рядом, визжа тормозами, остановилась машина, черный «Гелендваген» с нетонированными теперь стеклами, а из-за руля выскочил улыбающийся Константин Ровенский. В руках у него был букет роз. Красных-красных, именно таких, какие где-то в глубине души любила Ася. Признаться в

любви к розам вообще, а к красным в частности было проявлением дурного вкуса, это она знала, но поделаться с собой ничего не могла, потому что любила именно темно-красные розы.

Интересно, не мог же он знать... Эта мысль мелькнула и пропала, потому что Константин решительно подошел к ней и протянул свой невообразимый букет, от которого струился сладкий, чуть терпкий на февральском морозе аромат.

– Это вам.

– В честь чего? – спросила Ася, против воли протягивая руки и принимая цветы, покрытые крупными каплями воды, в которых отражалось заходящее уже зимнее солнце. Красиво!

– В честь праздника, конечно. – Ровенский, казалось, удивился ее вопросу. – Сегодня же День защитника Отечества, а вы настоящая защитница и есть.

– Вы издеваетесь? – с подозрением спросила Ася.

Ровенский замотал головой:

– Нет, конечно. Я абсолютно серьезен. Никогда не понимал, почему 23 февраля считают мужским днем. У нас полно женщин, защищающих других. И в армии, и вот как вы, в полиции, и в спасательной службе. Так что это и ваш праздник тоже. И вы достойны его отметить гораздо больше, чем какой-то салага, даже в армии не служивший, зато носящий штаны.

Это заявление совпадало с тем, что только сегодня утром думала сама Ася, поэтому она осмотрела молодого человека более благосклонно.

– А вы сами-то служили? В армии?

– Конечно, – с готовностью откликнулся Константин. – Или вы думаете, меня папочка отмазал? Так он у меня человек строгих правил. Сам армию прошел и был уверен, что и мне это нужно. Так что после института я побегал с полной выкладкой, было дело.

Отчего-то Асе это было приятно. Она терпеть не могла современные рассуждения про то, что умные люди находят способ не ходить в армию. У каждого человека был долг. Перед семьей,

перед страной. И бегать, ловчить, обманывать, лишь бы только избежать воинской службы, казалось ей унижительным и мелким. Настоящие мужчины так не поступали. Настоящие шли и служили, как Константин Ровенский.

– Что ж, спасибо за поздравление, – сказала она и еще раз понюхала букет. – Цветы очень красивые, да и вообще вы первый человек, который меня сегодня поздравил.

– Не может быть! – удивился Ровенский, причем, похоже, искренне. – Тогда давайте знаете, что сделаем. Давайте после окончания вашего дежурства отметим праздник вместе.

– Где это? – Ася красиво изогнула бровь, что было ее фирменной «фишкой». Бровь могла выразить что угодно, но сейчас выражала иронию. – Только не говорите, что у вас дома. А то все испортите.

– Ни в коем случае, все портить не входит в мои планы. – Константин засмеялся, показав ровные, очень белые зубы, стоящие, наверное, целое состояние. А мальчик-то, похоже, совсем не бедный. – Я приглашаю вас в ресторан. Недавно открылся новый, итальянский, там очень вкусная кухня. Называется «Буррато», может, слышали?

Ася не только слышала, но и ходила. Вместе с подружками. Цены в «Буррато», конечно, кусались и мало соответствовали ее «ментовской» зарплате, но было действительно очень вкусно. Она вспомнила приглушенный свет ламп, тихую ненавязчивую музыку, сырный мешочек на ароматных томатах черри с рукколой и сглотнула. В ресторан хотелось уже невыносимо. Но незнакомец...

Ася снова внимательно осмотрела его с ног до головы. Выглядел Ровенский вполне прилично: чисто выбритый, аккуратно подстриженный, зрачки не сужены, белки глаз не желтые, пахнет дорогим парфюмом, но ненавязчиво, одежда качественная и очень чистая. Он не был похож на прожигателя жизни, мерзавца и бабника, несмотря на сверхдорогие машину и улыбку. И в армии служил...

– А знаете, я пойду с вами сегодня в ресторан, – наконец приняла решение Ася. – Вы сможете за мной заехать в восемь часов вечера?

– Диктуйте адрес.

Ровенский уехал, и Ася понесла цветы в патрульную машину. Возвращаясь обратно, она наткнулась на хмурый, полный внутренней боли взгляд Ромки. Тот смотрел как щенок, которого только что пнули тяжелым ботинком. Ася неожиданно разозлилась. Она не была ничьей собственностью, и никто не имел права смотреть на нее такими глазами, в которых без словаря читались обида и осуждение.

– Что? Тебе не нравится, что я согласилась пойти в ресторан? – отрывисто спросила она, понимая, что вот-вот сорвется, перейдет на крик.

Ромка отрицательно покачал своей лобастой головой. И в этом он был похож на неуклюжего смешного щенка.

– Нет, мне не может нравиться или не нравиться любое твое решение, – сказал он. – Ты взрослый независимый человек и имеешь полное право выбирать, с кем тебе проводить свободное время.

– А что тогда тебе не нравится? – Ася хорошо различала интонационные ударения во фразах.

– Мне не нравится, что этот человек может тебя обидеть.

– А с чего ты это взял? – Ася не выдержала и рассмеялась, вся ее злость куда-то улетучилась, словно и не было ее. – Ты разделяешь предубеждение, что все богатые молодые люди – гады и сволочи?

– Нет, я чужд стереотипов. Среди богатых людей, так же как среди бедных, встречаются отъявленные мерзавцы и порядочные люди. С одинаковой вероятностью.

– Но конкретно этого представителя высшего общества ты заранее считаешь отъявленным мерзавцем, – уточнила Ася.

– Я не могу быть в этом уверен, но он мне не нравится.

– А мне он нравится, – сообщила Ася, глядя прямо в несчастное Ромкино лицо. Говорила она так скорее из вредности. Константин Ровенский на самом деле не вызывал у нее никакого чувства, кроме любопытства. Не заслужил он пока ничего другого, тем более что в

своей оценке людей Ася обычно была осторожна. Заметив, как вытянулось Ромкино лицо, она решила все же его пожалеть. Не была она стервой, нет, не была.

– Да брось ты, Ромка, я пошутила, – сказала она и ущипнула напарника за кончик носа. – Мне просто действительно хочется в ресторан, и праздник отметить, и вкусной еды поесть. Да и за цветы я ему благодарна. Мне так давно никто не дарил цветов. А обидеть меня у него не получится, ты не переживай. Я могу за себя постоять.

Вечер был так хорош, что даже не верилось. В ресторане играла тихая музыка, на столе горели предупредительно зажженные официантом свечи, таял во рту сырный мешочек с наисвежайшей начинкой, чуть колело в носу от свежего помидорного аромата, терпкое красное вино стекало по горлу, прокладывая теплую дорожку, а за окном падал крупными хлопьями снег, мерцающий под неровным светом фонарей. Ася чувствовала себя героиней сказки, пусть и немного пошлой.

– Потанцуем? – предложил Константин.

Она с готовностью согласилась. Не потому, что ей очень хотелось танцевать, а потому, что разговаривать им было особо не о чем. Про колхоз, в котором он работал, и своего отца, руководившего этим огромным сельскохозяйственным предприятием, Ровенский уже рассказал, про маму, дачу, которую строил дядя Вадик, и свои любимые фильмы Ася тоже поведала. Больше тем для разговора вроде как и не было.

Руки, обнимающие Асю за талию, были крепкими, легкое объятие, которым Константин притянул ее к себе, – приятным, двигался он ловко и пластично, в такт музыке.

– Если я тебя приглашу к нам в колхоз на новогодний бал, пойдешь? – спросил Ровенский.

Ася непонимающе посмотрела на него и засмеялась.

– Бал, в колхозе?

– Ну да, ты думаешь, что если люди живут в деревне, то они носят резиновые сапоги и ватники? Все уже давно совсем по-другому. И у

нас проходят настоящие балы с карнавальными костюмами. Вот ты бы кем хотела быть?

– Клеопатрой, – снова засмеялась Ася, – при условии, конечно, что ты согласился бы быть Цезарем.

Ровенский немного подумал.

– Конечно, согласился ты, – изрек он наконец. – Я думаю, это нетрудно – сделать костюм в виде пачки майонеза. На пластиковой пленке в рекламном агентстве картинку напечатаем, дел-то.

Ася сбилась с такта, потому что не сразу поняла, что он имеет в виду. При чем тут майонез? Потом до нее дошло. «Цезарь» в понимании ее нового знакомого был пачкой майонеза, и она представила себе перспективу появиться рядом со спутником в «майонезном» костюме. «Мне при этом нужно нарядиться куриной тушкой, – мрачно подумала она. – Чтобы получился законченный образ «Цезарь с курицей».

Танец кончился, и они вернулись за стол. Официант поменял тарелки и принес десерт – воздушный, легкий сливочный крем с тонкими пластинками песочного теста и свежими ягодами. Десерт слегка подправил Асино начавшее портиться настроение.

– А теперь я хочу сделать тебе подарок, – мягким голосом шепнул Константин.

– Подарок?

– Ну да, у тебя же сегодня праздник.

– Но ты же меня еще днем поздравил, да еще и в ресторан пригласил.

– Ну и что? Одно другого не исключает. – Константин сунул руку в карман своего щегольского клубного пиджака с модными заплатками на локтях и достал небольшую коробочку. – Вот, держи. Понимаю, что дорогой подарок ты не примешь, для этого мы слишком мало знакомы, а то, что ты девушка с принципами, я уже понял. Поэтому пусть будет пока так.

Заинтригованная Ася открыла коробочку и достала кольцо. Тоненький серебряный ободок переходил в переплетающуюся,

сложно устроенную вязь, в центре которой синел маленький камушек, сапфир.

– Это серебро, но авторская работа, – говорил Ровенский. Пока Ася пялилась на кольцо, будучи не в силах отвести от него глаз. – Подруга моей мамы делает. Не отказывайся, пожалуйста, мне будет приятно, если оно останется у тебя.

Ася послушно надела кольцо на палец, потому что никогда раньше не видела работы подобной тонкости. Она понимала, к чему катится этот необычный вечер, и в общем-то была не против. Смущало ее лишь то, что она ничего не знала о своем новом знакомом, который явно рассчитывал на продолжение отношений. А если он врет?

Немного подумав, она сообщила, что ей нужно в дамскую комнату, и, закрывшись в кабинке туалета, набрала номер Ромки.

– Слушай, ты можешь мне помочь? – спросила она страшным шепотом, чтобы не быть услышанной кем-то, кому пришла бы в голову мысль ее подслушать.

– Что-то случилось? – встревожился напарник.

– Нет, но я все-таки сотрудник полиции и должна проявлять бдительность. Можешь пробить по базе все, что есть на этого Ровенского? Я сама хотела, но не успела.

– Перышки чистила? – насмешливо, хотя и необидно спросил догадливый Ромчик, и Ася отчего-то снова вспомнила про «Цезаря с курицей».

Все-таки помочь он ей не отказался, и спустя десять минут Ася вернулась за стол вполне успокоенная. Константин Ровенский был именно тем, за кого себя выдавал. Заместитель директора колхоза, предприятие чистое, легальное, прибыльное, исправно платящее налоги. Отец – уважаемый человек и депутат областной Думы, мать – известный в городе врач. Деньги, судя по декларации о доходах отца-депутата, в семье есть, вполне приличные и легальные. По крайней мере на «Гелендваген», керамические зубы и кольцо с сапфиром хватает. В криминале никто из членов семьи не замечен, и даже штрафов ГИБДД у Константина было немного, и все за

тонировку автомобиля. Ася даже усмехнулась, что не одна она такая принципиальная.

Из-за чистой как стеклышко биографии и репутации Константина Ровенского она и согласилась продолжить вечер у него дома. Особой тяги к новому знакомому она не испытывала, но он по-прежнему вызывал у нее любопытство, ей хотелось его раскусить, понять, чем-то он задевал и царапал Асино подсознание, да и мужчины в ее жизни давно не было. Не самого лучшего, не настоящего, а даже просто мужчины. И Асе неожиданно очень захотелось почувствовать себя желанной. Поэтому еще через полчаса в ответ на заданный глазами вопрос Константина она просто кивнула.

Жил Ровенский в престижном городском микрорайоне «Сосновый бор», расположенном в самом центре города, но отделенном от него большим забором и настоящим сосновым лесом. Коттедж Константина был небольшим (на три спальни), но очень уютным. В вечерней темноте, укутывающей участок (фонарь горел только над крыльцом), Ася успела рассмотреть стоящий поодаль сарай и еще одно строение, по всей видимости гараж.

– Проходи. – Константин распахнул дверь и сделал приглашающий жест.

Асе на минуту стало страшно, потому что сейчас у нее еще был шанс вспомнить про «невыключенный утюг» и позорно сбежать. Шагни она через порог, и шанс пропадет.

– Не бойся, я же не кусаюсь. – Он словно прочитал сомнение в ее глазах, и Ася устыдилась, что ведет себя как ломающаяся школьница. В конце концов, они оба взрослые люди.

Она решительно вошла в прихожую, и стальная дверь с мягким чпоканьем захлопнулась у нее за спиной.

Холодный брют – лучший напиток в мире. Колкие пузырьки шуточно щелкали Асю по носу, выскакивали из узкого бокала на длинной тонкой ножке, словно заигрывали. Голова слегка кружилась, то ли от шампанского, которое пыталось ужиться рядом с выпитым

до этого красным вином, то ли от обилия впечатлений. Жарко пылал натопленный камин, перед которым Ася с Константином расположились на мягкой медвежьей шкуре, пили шампанское и целовались. Поцелуи были тягучими, неспешными. Ровенский явно не был намерен форсировать события. Настоящий мужчина никогда не торопится сорвать с женщины одежду, ведь он понимает, что предвкушение удовольствия гораздо важнее самого удовольствия.

От мыслей о том, что этот мужчина рядом действительно настоящий, явно умелый и опытный, Ася распалась все больше. Жар изнутри, вызванный то ли камином, то ли количеством выпитого, то ли его близостью, разгорался все ярче, и Ася с удовольствием прислушивалась к гудящему внутри нее пламени.

Внезапно Константин отстранился и, поднявшись на ноги, поставил бокал на каминную полку. Ася с удивлением посмотрела на него.

– Мне нужно сделать один важный звонок, – мягко сказал он. – Извини, это действительно необходимо. Я должен сделать это до полуночи.

Часы, стоящие на камине, показывали без двадцати. Ася легко кивнула, поскольку уважала в людях обязательность, пунктуальность и умение не терять голову. Правда, то, что он не потерял голову от нее настолько, чтобы забыть о делах, было немного обидно. Константин вышел из гостиной, и Ася услышала его шаги по лестнице. Видимо, на втором этаже дома располагался кабинет, в который он и направлялся.

Сидеть на шкуре одной было глупо, и Ася встала, с интересом побрела по комнате, рассматривая фотографии на стенах, книги на полках, кубки, стоящие в специальном шкафу у окна. Подойдя поближе, она взяла один из них в руки. Ну надо же, оказывается, Константин участвует в мотогонках! Бедный Ромка, узнает – не переживет. И в этом-то вопросе потенциальный соперник его обскакал!

В этом месте своих размышлений Ася тихонько рассмеялась. Сравнить красавца Константина с его ослепительной улыбкой со слегка недотепистым Ромчиком было совсем нелепо.

Она подошла к круглому столику, стоящему у мягкого дивана, долила шампанского, бросила в рот крупную глянцевую ягоду. Клубника, которой в феврале положено было оказаться «пластмассовой» и безвкусной, тут же наполнила рот сочной сладостью. Ну надо же, настоящая! И все-таки почему все происходящее кажется немного пошлым?

От ворот раздался резкий звонок, наверху слышались шаги, Константин спускался вниз. От неожиданности Ася дернулась, бокал дрогнул в ее руке, шампанское пролилось на блестящую деревянную поверхность, растеклось, заливая какие-то бумаги. Лужица становилась все больше, подбираясь к компьютерной мышке, соединенной с мирно спящим макбуком. Ася быстро схватила ее, чтобы не допустить порчи дорогостоящего имущества, отодвинула подальше, судорожно оглянулась в поиске салфетки.

От ее прикосновения экран макбука ожил, загорелся молочным светом, и против воли (она не собиралась подглядывать) Ася увидела открытое электронное письмо, которое, видимо, Константин начал писать, но не отправил, отвлекшись на что-то другое. Взгляд упал на тему письма. PORCUPINE – было написано там. Дикобраз – машинально перевела Ася.

В школе ее самым любимым предметом был английский язык. Какое-то время она даже планировала поступать на факультет иностранных языков, но потом все-таки остановила свой выбор на юрфаке. Как бы то ни было, лейтенант полиции Ася Громова свободно говорила, читала и писала на английском языке.

Дикобраз. Слово ворочалось в ее мозгу, одурманенном вином и шампанским, колелось иголками, как и положено дикобразу. Господи, ну что она совсем недавно слышала об этом животном? Взгляд переметнулся с компьютера на стоящие неподалеку кубки. Мотогонки. Мотоциклы. Выставка раритетных марок. Кража дорогой

модели. Она называется «Дикобраз» из-за шипов, установленных на ребрах охлаждения. Кажется, так говорил сегодня утром Ромка. Господи, как давно это было. Не очень осознавая, что она делает, Ася покосилась на дверь, ведущую в холл, не идет ли Константин, и решительно щелкнула мышкой, выводя текст письма на экран.

Письмо было написано по-английски. Для того чтобы прочесть его, ей понадобилось минуты две, не больше. Речь шла об условиях, на которых Константин Ровенский был готов передать заказчику украденный на днях в Москве мотоцикл стоимостью в семь миллионов долларов. Впрочем, за вычетом накладных расходов Константин был согласен получить три.

Голова закружилась так сильно, что Ася почувствовала дурноту. Так, пока понятно одно: ей нужно срочно уехать из этого дома, скрыться отсюда под любым предлогом, сделать ноги, исчезнуть, предпринять что угодно, лишь бы не оказаться в одной постели с преступником. Но мотоцикл... А вдруг он где-то здесь? А вдруг у Аси есть шанс раскрыть кражу века?

С улицы слышались приглушенные оконным стеклом голоса. Константин разговаривал с кем-то во дворе. Раздался какой-то лязг, словно стукнули ворота гаража. Ася кинулась к окну, спряталась за шторой, выглянула так, чтобы оставаться незаметной снаружи. Под неровным светом фонаря блеснула хромированная сталь. Мотоцикл. Ася ни за что бы не рассмотрела его, если бы не была готова увидеть. Итак, «Дикобраз» здесь, в «Сосновом бору». Понять бы еще, что делать дальше. Уйти? Остаться? Вызвать подмогу? Просто позвонить в полицию.

Пришедшая в голову мысль казалась такой очевидной, что Ася даже зажмурилась. Ромка. Ее напарник, разбирающийся в мотоциклах. Господи, только бы он взял трубку! Дрожащими руками Ася схватила лежащую на диване сумочку, вытащила телефон, затыкала непослушным пальцем в кнопки. Услышав гудки, снова бросилась к окну. Там, на улице, Константин запирает ворота гаража.

Его собеседник был не виден, но Константин обращался к нему, видимо собираясь провожать до калитки.

– Да, – услышала Ася в трубке хриплый со сна голос Ромки. – Ась, ты чего звонишь, случилось что-то?

– Да, случилось, – быстрым шепотом заговорила Ася. – Слушай.

К счастью, Ромка всегда славился тем, что схватывал все на лету.

– Уходи оттуда! – приказал он. И когда это у него появилась привычка ей приказывать? – Я сейчас позвоню смежникам, и мы придумаем, что делать. А ты уходи. Под любым предлогом. Скажи, мама заболела.

– А на каком основании вы попадете на территорию? – спросила Ася. – Ордер не получить, оснований нет. Так что, нет, Ромчик, ты, как хочешь, а я остаюсь.

– Это опасно, – заверещал в трубке Ромка, но Ася услышала стук входной двери, нажала на отбой и выключила на телефоне звук. Не дай бог Ромка начнет трезвонить, с него станется.

Константин вошел в комнату, принес с собой запах ночного мороза. Подошел к Асе, поцеловал. Губы у него были холодными, и их прикосновение вдруг показалось ей отвратительным. Мужчина, которого еще пятнадцать минут назад она считала достойным называться лучшим, оказался чуток к перемене ее настроения. Чуть отстранился, посмотрел вопросительно в ее напряженное лицо.

– Ты что, обиделась? Извини, я не мог отменить эту встречу. Это же было недолго, зато теперь у нас с тобой куча времени.

– До чего?

Он снова посмотрел вопросительно, не поняв ее вопроса.

– Ты сказал, что у нас куча времени. До чего? До какого момента?

Теперь он понял и легко улыбнулся.

– У нас есть время до одного важного дела. Я должен его сделать, и ты мне поможешь. Ты же мне поможешь, правда?

– Смотря в чем, – тоже улыбнулась Ася, стараясь выглядеть беззаботной. – А то я соглашусь не глядя, а вдруг ты меня попросишь ограбить банк?

– То есть грабить банк ты не согласишься? – Губы Константина улыбались, но глаза смотрели холодно, колюче.

– Нет, – покачала головой Ася. – Я же лейтенант полиции, если ты забыл.

– Я помню. Это то, что возбуждает меня в тебе больше всего, – прошептал он, куснувшись губами ее уха. – Красивая девушка, такая изящная, такая прекрасная, и мерзнет на морозе в грубой ментовской форме. Но ничего, я заберу тебя оттуда, я тебе обещаю, если ты будешь умницей.

Против воли Ася задрожала в его руках. Объятия, еще недавно казавшиеся волшебными, теперь вызывали у нее лишь омерзение. Накатывая волнами, они вызывали тошноту, и Ася вдруг испугалась, что ее сейчас вырвет. Прямо на него.

– Да что с тобой? Ты перепила?

– Да, кажется, – пробормотала Ася, решив, что этот аргумент кажется подходящим. – Извини. Ты, наверное, не этого ожидал, но мне нужно на воздух.

– Давай я отнесу тебя наверх, в спальню. Там можно открыть балкон...

– Нет, – замотала головой Ася.

– Тогда приляг здесь, на диване.

Аккуратно приобняв ее за талию, Константин проводил Асю до дивана, помог сесть, вытащил из влажных пальцев телефон, который она все еще сжимала в руке, положил на столик. Взгляд его упал на горящий экран макбука, по которому ровными рядами бежали английские буквы текста. Взгляд у него снова стал острым, злым.

– Что ты успела увидеть? Ты шпионила? Отвечай же!

Ася высвободилась из его пальцев, впившихся так сильно, что причиняли боль.

– Ничего я не шпионила! – крикнула она. – А вот ты, зачем ты меня сюда привел? Зачем вообще придумал всю эту канитель с букетами, ресторанами, кольцами и любовью, которая якобы «нечаянно нагрелась»? Тебе от меня было что-то нужно? Что

именно? Молчишь? Тогда я скажу. Тебе было нужно, чтобы я, пользуясь своей формой, удостоверением и машиной, помогла тебе вывезти мотоцикл, который ты украл, и ты мог бы беспрепятственно передать его заказчику. Так?

– Черт, черт, черт. – Ровенский выругался, тяжело, грязно. – Все пошло не так, как должно было пойти. Сучка, ты оказалась слишком красивой, и я поплыл, как дурак, забыл, что ты мне нужна для дела и только для дела. Решил, что ты – та, настоящая, ради которой деньги имеют смысл. Риск имеет смысл, да и жизнь тоже. А может... – Он полубезумным взглядом посмотрел на Асю. – А может быть, зря я волнуюсь, а? Ты же поможешь мне и себе поможешь? Мы передадим этот мотоцикл и уедем. В Грецию, или на Мальту, или, хочешь, на Кипр? Туда, где тепло.

– Нет, никуда мы с тобой не уедем, – покачала головой Ася, – потому что ты преступник, вор. А я служу в полиции и ни за что не буду тебе помогать. И покрывать тебя не буду. Я тоже думала, что ты настоящий. Смотрела на тебя, такого красивого, такого уверенного в себе, красиво ухаживающего, но это все фальшивка, обман, фантик! Ты не лучший мужчина, ты просто жулик!

– А ты ментовка! – В глазах Ровенского теперь плясали искорки безумия, и Асе вдруг стало страшно. – И даже не мечтай, что ты просто уйдешь отсюда и сдашь меня своим дружбанам с постными рожами и жалкой зарплатой! Никто не знает, что ты здесь. Никто не видел, что у ресторана ты села в мою машину. И у твоего дома нет камер видеонаблюдения, это я проверил, когда тебя забирал. Так что после ресторана я предложил тебе, как водится, поехать ко мне, ты отказалась, я привез тебя к твоему дому, наверх подниматься не стал, обиделся. И все, больше я тебя не видел. Мало ли еще какие хахали у тебя есть? Ты же шлюха, мужиков снимаешь на дороге!

– Ты что, совсем больной? – спросила Ася, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Да у меня в телефоне геолокация включена, так что можно будет убедиться, что полночи я провела здесь.

– Телефо-о-он? – удивился Ровенский. – Какой телефон? Не видел я никакого телефона. Он швырнул на пол Асин мобильник и со всего размаху раздавил его ногой. Отвратительный звук крошащегося стекла резанул по ушам, заставив ее зажмуриться.

– Ты не волнуйся, больно не будет, – сообщил Константин. – Моя мама – врач, так что препараты дома имеются. И в вену я хорошо попадаю, хоть у меня и не медицинское образование, а ветеринарное. Так что сначала я вкачу тебе снотворное, а пока ты будешь спать в подвале моего гаража, сгоняю за дозой. Наркоманка ты, девочка, и как это тебя в твоей мусарне проглядели?

Асе казалось, что она спит и видит сон, в котором очутилась на месте героини дурацкого, но все-таки страшного фильма. Она старалась проснуться, но у нее ничего не получалось. Впрочем, и в серьезность ситуации ей до сих пор не верилось. Ну не могут же ее в самом деле убить, тем более 23 февраля! В День защитников Отечества! На этом месте ей почему-то стало очень себя жалко.

– Ну-ну, не реви. Чего уж теперь реветь? Ты ж пойми, выхода у меня нет. Письмо ж читала, видела, что на кону три миллиона долларов. Ты, извини, вместе со всеми своими потрохами и полосатой палочкой столько не стоишь. Так что рисковать я не буду и тебя не отпущу.

Он сделал шаг в ее сторону и резким движением ударил по шее, выключая сознание. Последнее, что видела Ася, это нестерпимо яркий свет потолочной люстры, вдруг ударивший по глазам.

В себя она пришла оттого, что куда-то плыла. Сознание прояснялось медленно, но потихоньку Ася вспомнила все, что произошло с ней сегодня, одновременно осознавая, что ее несут на руках. Мужчина. Значит, Ровенский тащит ее в тот подвал, о котором говорил? И что? Она покорно сдастся, не попытавшись даже защитить себя? Ну уж нет!

Она яростно заколотила руками и ногами, пытаясь попасть в какое-нибудь чувствительное место.

– Да не дергайся ты, – услышала она знакомый голос и чуть не закричала от радости. Ромка! Ее нес на руках Ромка, замечательный напарник, практически родной человек! – Слышишь, ты потерпи, сейчас «скорая» приедет, я вызвал.

– Да не нужна мне «Скорая», – рассмеялась Ася, поудобнее устроившись в крепких и таких надежных руках. И как она раньше не догадывалась, что объятия Ромчика – такое уютное место? – Ром, а где этот...

– Не волнуйся, я его наручниками к батарее пристегнул. Сейчас ребята приедут, упакуют. И его, и «Дикобраза».

– А ты что, один приехал? И подмогу не взял?!

– Да испугался я за тебя, не стал ребят ждать. Как ты мне адрес сказала, так я на мотоцикл прыгнул и приехал. Им с дороги позвонил. Через забор перелез, в окно заглянул, а в этот момент он тебя возьми и ударь. В общем, дальше я плохо помню. Когда пелена перед глазами рассеялась, вижу, окно разбито, он к батарее пристегнут с разбитой мордой, а ты на полу без сознания лежишь. Я «скорую» вызвал и тебя на улицу понес. Навстречу к «скорой», значит.

Вдалеке действительно раздавались сирены машин. «Скорой» вторила полиция, и не было сейчас более приятных Асиному уху звуков.

– Так ты, оказывается, просто настоящий Рэмбо, Ромчик! – сказала она и потерлась носом о его шею. – А я и не знала.

– Никакой я не Рэмбо, – буркнул он. – Просто я тебя люблю.

– Я знаю, – призналась Ася. – И это так здорово, оказывается, когда тебя любит самый смелый, самый верный, самый лучший мужчина! Вот только скажи мне, Ромчик, если бы мы с тобой пошли на новогодний бал, ты бы согласился надеть костюм Цезаря?

– Это завернуться в простыню и нацепить на голову лавровый венок? – уточнил он. – Конечно, если ты хочешь, то пойдём, но только при одном условии. Если ты будешь Клеопатрой.

Зеркало графа Дракулы

Нужно обладать определенной смелостью, чтобы иметь в лучших подругах профессиональную модель. По крайней мере, Кате Брусницыной нравилось думать о себе, что она смелая. У нее самой внешность была вовсе не модельная, а совсем даже обычная. Среднего роста, с ничем не примечательной фигурой и простеньким, хоть и милым личиком, живым и выразительным благодаря большим ясным глазам.

Волосы русые, прямые, спускающиеся ниже лопаток, не отличающиеся буйством кудрей, но довольно густые и блестящие. Это бабушка еще в детстве приучила Катю мыть их яичным желтком, и привычке Катя не изменяла даже сейчас, когда шампуней и кондиционеров в магазинах стало столько, что глаза разбегались. Одевалась она тоже простенько, поскольку зарплата медсестры с такими понятиями, как «имидж» и «стиль», не сочеталась. Джинсы, футболка летом, свитерок зимой, куртка практичная и немаркая, обязательно с капюшоном, яркий шарф, подаренный подругой Миленой, про который та говорила, что он – «акцент».

Кате нравилось считать, что акцент у ее шарфа французский, потому что Милена привезла его из Парижа. Сама Катя в Париже никогда не была, да и вряд ли будет. Какая заграница на ее зарплату. Турция если только.

Милена же по Парижам, Миланам и Лондонам раскатывала постоянно. Она работала в крутом питерском модельном агентстве, регулярно получавшем приглашения на показы, в том числе и за границей.

Милена с самого детства была красавицей, не то что простушка Катя. Своей подругой Катерина очень гордилась и нисколько рядом с ней не комплексовала. Это бабушка ее научила – никогда не расстраиваться по поводу того, что ты не можешь изменить.

Она точно знала, что подруга ее любит. Вот и в гости в Питер пригласила, потому что соскучилась. Даже не написала, а в кои-то веки позвонила и позвала пожить у нее недельку.

Именно поэтому сейчас Катя тряслась на верхней полке плацкартного вагона, билет в который был куплен из экономии, и размышляла о своей смелости и решительности, с которыми она направлялась навстречу приключениям. Почему-то в том, что приключения будут, Катя даже не сомневалась.

Впервые в Питер Катю привезла бабушка, и было это классе в шестом. Именно тогда Катя в первый раз увидела Эрмитаж, Медного всадника, величественный Исаакий, не падающую колоннаду Казанского собора, с первого взгляда и навсегда влюбилась в Невский, обалдела от фонтанов Петергофа, в общем, выполнила всю ту обязательную туристическую программу, которая была хорошо знакома любому российскому гражданину.

Уже потом, когда сюда перебралась Милена, регулярно ездившая к ней на каникулах Катя узнала совсем другой Питер, не пафосный, не парадный, с облезлыми дворами-колодцами, облупившейся лепниной фасадов, темными мрачными арками, отчаянно пахнущими мочой. Узнала и полюбила.

Жизнь шла своим чередом, Милена окончила институт культуры, Катя – медучилище. Подруга уже всю ходила по подиуму, летала в загранкомандировки, в ее мире было много музыки, света, сплетен и интриг, она крутила захватывающие романы, влюблялась, ссорилась, мирилась, с шиком носила меха и непринужденно ездила на дорогих автомобилях. У Кати жизнь состояла из уколов, прогреваний, компрессов, сменяющихся пациентов, не все из которых были приятными в общении.

Вдобавок заболела бабушка, мучительно уходила из жизни, цепляясь за нее до последнего худенькими, ослабшими руками. Катя всегда была рядом, по ночам согревала выросшие ее руки своим дыханием, укутывала бабушке ноги, давала попить. Стало не до

Питера с его огнями и манящей жизнью, как и Милене стало не до нее и ее таких скучных, серых, горестных проблем.

Так и получилось, что в последний раз в столь любимый ею город на Неве Катя ездила, страшно сказать, семь лет назад. И вот теперь он ждал ее снова, и она всю ночь не смыкала глаз, предвкушая, как это будет.

Милену встречала ее на перроне, что было неожиданно и потому особенно приятно. Катя невольно залюбовалась подругой – высокой, тоненькой-тоненькой, с бесконечными ногами, высокой грудью, длинными платиновыми волосами, разбросанными по спине ярко-алого пуховика в художественном беспорядке, которого можно добиться лишь годами практики. Катя поплотнее натянула вязаную шапку, под которой скрывался обычный «конский хвост» – прическа, подходящая на все случаи жизни.

Высокие каблуки, сладкий, совсем не утренний аромат тяжелых духов, маленькая блестящая сумочка на цепочке, перекинута через плечо, буклированный, сложно завязанный шарф, тот самый «акцент», наличие которого Милену считала строго обязательным. Катя похвалила себя, что в спешке не забыла свой шарф, надела тоже.

– Катька! – Милену завизжала от радости, повисла у подруги на шее. – Как же я рада, что ты приехала! Бессовестная ты, совсем меня забыла.

– Как же я могу тебя забыть? – Катя тоже счастливо засмеялась. – Ты моя самая лучшая подруга, самая любимая. Миленчик, как же я по тебе соскучилась. Ты сегодня не работаешь? Со мной будешь?

– Почти. – Подруга лукаво улыбнулась и тут же начала командовать, как делала всегда, по давно укоренившейся привычке. В их паре Мила Фалькова, то есть сейчас, конечно же, Милену Фальк, всегда была ведущей, а Катя Брусницына – ведомой, но ее такое распределение ролей совсем не смущало. – Сегодня мы едем смотреть площадку моих завтрашних съемок. Это часа на два-три. Свет выставить, локации определить.

– Слушай, Милка, а изменения в программе возможны? Зачем мне с тобой тащиться на твою работу. Я тебя там только отвлекать буду, я же в фотосессиях твоих не смыслю ничего. Ты поезжай, а я в Русский музей сгоняю.

– О-о-о-о, началось в деревне утро. – Милена картинно закатила глаза. – Вот не берут тебя годы, Брусницына, и не учат ничему. В планах по-прежнему Русский музей. Но! – Тут она подняла вверх указательный палец с нежным нюдовым маникюром. – Так как я давно тебя знаю, то основательно подготовилась к твоему приезду. В общем, фотосъемка у меня назначена в очень даже историческом месте. Там интерьеры закачаешься, и история такая, что кровь в жилах стынет. В общем, тебе понравится, тем более что это место как будто специально для тебя предназначено.

– Почему это? – удивилась Катя.

– Потому что это особняк Брусницыных.

Что и говорить, Милене всегда удавалось удивить свою подругу, удалось и сейчас. При том, что Катя действительно хорошо знала историю Питера, о доме Брусницыных, приходившихся ей то ли однофамильцами, то ли даже предками, она слышала впервые.

– И где этот особняк? – заинтересованно спросила она.

– На Ваське. Кожевенная линия, если тебе это о чем-то говорит. Вообще-то это территория завода, который давно закрыт и разрушается потихоньку. Но административное здание там такой красоты, что закачаешься. На втором этаже сохранились первозданные интерьеры, в которых даже кино снимали. И «Шагал-Малевич» Митты, и «Матильду» скандальную, и «Анну Каренину» Соловьева. Там дом Вронского был. Вот скажи мне, Брусницына, ты разве можешь отказаться увидеть дом Вронского?

– Не могу, – засмеялась Катя. – Нет, все-таки какое ты чудо, Милка! И как ты только этих Брусницыных нашла?

– Ну, положим, нашла не я, а один очень близкий мне человек, – загадочно сказала Милена. – Вообще-то это памятник федерального значения, только до него никому дела нет, поэтому он разрушается

прямо на глазах. Между прочим, туда сейчас фотосессии не пускают и экскурсии тоже, но Влад договорился. Так что, Брусницына, это уникальный шанс, зацени.


Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

**СМОТРИТЕ СЕРИАЛЫ
по детективам Людмилы Мартовой
на центральных телеканалах!**



ЛЮДМИЛА
МАРТОВА

ОТ ЗВЕЗДЫ И ДО ВОДЫ

Примечания

1

Подробнее в романе Л. Мартовой «Запретные воспоминания». –
Прим. авт.

[Вернуться](#)